

ЕВГЕНИЙ
ШИНАКОВ

Древняя Русь

ОТ «ВОЖДЕСТВ»
К РАННЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
IX—XI ВЕКА

Евгений Шинаков

**Древняя Русь. От
«вождеств» к ранней
государственности. IX—XI века**

«Центрполиграф»

2025

УДК 947(47)
ББК 63.3(2)41

Шинаков Е. А.

Древняя Русь. От «вожеств» к ранней государственности. IX—XI
века / Е. А. Шинаков — «Центрполиграф», 2025

ISBN 978-5-227-11137-1

Книга известного археолога и историка доктора исторических наук Е.А. Шинакова посвящена одной из ключевых для истории России тем — образованию Древнерусского государства. Исследование базируется на комплексе источников — как письменных (русских и иностранных), так и вещественных (археологических и нумизматических), а также сравнительно-этнографических. Используются методология политической (социокультурной) антропологии, компаративистский подход, статистико-комбинаторные методы. Главный вывод книги: образование Древнерусского государства — не единовременный акт (призвание Рюрика или присоединение Олегом Киева), а растянувшийся на двести лет процесс, прошедший с IX по XI век в три этапа, содержание которых и анализирует автор. Издание предназначено не только для специалистов и студентов, но и широкого круга читателей, интересующихся первыми страницами истории русского народа, Древнерусского государства. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 947(47)
ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-227-11137-1

© Шинаков Е. А., 2025

© Центрполиграф, 2025

Содержание

Введение	8
Глава I	16
1. Этапность древнерусского государствогенеза в политико-антропологическом аспекте	16
2. Типология форм государственности	21
3. Тип элитных воинских формирований как признак форм государственности	29
4. Механизмы государствогенеза и их применение к процессу образования Древнерусского государства	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Евгений Шинаков

Древняя Русь. От «вожеств» к ранней государственности. IX—XI века

Начало государства есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень его истории и решает судьбу его на веки веков...

М.П. Погодин

Государственная организация сложилась раньше, чем мог создать ее процесс внутреннего экономического развития...

П.Н. Миллюков

Москва

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ

© Шинаков А.Е., 2025

© «Центрполиграф», 2025

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2025

Введение

«Монография Е.А. Шинакова посвящена одной из традиционных, но по-прежнему чрезвычайно актуальных тем в отечественной историографии – образованию и становлению древнерусской государственности. Сам автор определяет актуальность своего исследования в двух отношениях: во-первых, введением в научный оборот в последнее время новых категорий и видов источников; во-вторых, использованием достижений современной политической антропологии и этнографии, прежде всего концепций зарубежных („немарксистских“) исследователей». Эта оценка 1-го издания нашей монографии «Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект» (Брянск, 2002) была сделана в 2006 г. в рецензии А.В. Майорова¹. Другая ее оценка прозвучала ранее в «Предисловии» к этому изданию, написанному С.П. Щавелевым: «Эта работа отличается тем, что представляет собой едва ли не первый за последние десятилетия *опыт системной теории и истории начала отечественной государственности*»².

Со стороны (но – специалистов!) – виднее. Единственно, что уже в те годы существовали (и отражены в монографии) концепции и отечественных ученых, основанные на методологии и положениях политической антропологии и сравнительной этнологии. Другое дело, что к тому периоду лишь единицы (прежде всего Е.А. Мельникова) применяли их к древнерусскому государствоврождению. К настоящему времени системно прилагать их к процессу политогенеза русского и других народов России и Восточной Европы (прежде всего кочевых) стали уже несколько исследователей (кроме автора): например, В.В. Пузанов, Н.Н. Крадин. ИВИ РАН даже были проведены специальные конференции, посвященные проблеме применения методологии, методики и понятийного аппарата политической (социокультурной) антропологии к российским средневековым реалиям, а также выпущены сборники статей³.

За 10 лет, прошедших после выхода в свет 2-го издания монографии (М., 2009), было опубликовано еще несколько концептуально-обобщающих монографических исследований по истории Древней Руси, принадлежащих перу разных ученых⁴. Однако список их авторов почти не пополнился в сравнении с теми, с кем автор полемизировал в «Предисловии» ко 2-му изданию (Шинаков, 2009) и, самое главное, чьи взгляды не претерпели существенных изменений (как, впрочем, и у самого автора). Многие из них имеют прямое отношение к обсуждению текста нашей докторской диссертации или написанной в значительной мере (хотя и далеко не полностью) на ее основе первой обобщающе-теоретической книги автора, а также к ее последующему рецензированию. Это – И.Я. Фроянов, В.Я. Петрухин, В.В. Пузанов, А.А. Горский, А.В. Майоров, А.З. Винников. К сожалению, нет в этом списке авторов новейших монографий по Древней Руси, как и того, кто в очень большой степени, хотя и был официальным оппонентом,

¹ Майоров А.В. Рецензия на монографию Е.А. Шинакова «Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект». Брянск, 2002 // *Rossica Antiqua*. 2006. Исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, А.В. Майоров. СПб., 2006. С. 392–395.

² Щавелев С.П. Предисловие к книге: Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 5.

³ Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти чл. – корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 19–21 апреля 2011 г. Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Мат-лы науч. конф. / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012; Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012; Древнейшие государства Восточной Европы. 2014. Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2016.

⁴ Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII вв. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2012; Горский А.А. От Древней Руси к Российской Федерации. История Российской государственности. СПб., 2013 (раздел: Возникновение русской государственности и «призвание варягов»); Петрухин В.Я. Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013; 2012.

помог нам в подготовке диссертации именно в духе компаративизма (ставшего, заметим, одним из главных направлений исторических исследований в XXI в.) – Г.С. Лебедева, безвременно ушедшего в 2002 г. Замечания этих авторов носили конструктивный и полезный характер, и на некоторые из них, связанные с иным концептуальным подходом к процессу государствово-неза в целом, автор уже ответил в «Предисловии» ко 2-му изданию в духе корректной полемики, а другие были нами в этом же издании и последующих работах с благодарностью учтены. Нельзя этого сказать, однако, о «замечаниях» и даже наставлениях только одного автора, с которыми не позволяет согласиться сам контекст источников, причем взятых комплексно, а не избирательно. Именно поэтому рассмотрению не только самих (в общем, немногочисленных) замечаний этого ученого (ни фамилии, ни самих замечаний мы здесь повторять не будем из соображений корректности), но и уровню его методических подходов в авторском «Предисловии» нами было уделено 8 страниц (С. 9–17) – больше, чем любому из конструктивных критиков. Это объясняется тем фактом, что вопрос «об этнической природе варягов», который, как понятно большинству специалистов по древнерусской истории, на сегодняшнем уровне научных знаний окончательно и однозначно решить невозможно, а с точки зрения процессуально-этапного антропологического подхода к проблеме государствово-неза – и не столь актуально, как раз и интересует более широкие круги историков, тем более читателей в целом.

Выходят монографии и у сравнительно «молодых» авторов, однако они пока не концептуальны, но, как отмечал в «Предисловии» еще к 1-му изданию нашей монографии (2002 г.), характеризую состояние историографии на тот период, доктор философских наук С.П. Щавелев, «рассматривают Русь сквозь призму какой-то одной, пусть и очень важной проблемы» (Шинаков, 2002. С. 5). Здесь можно отметить работы Е.В. Пчелова (Пчелов, 2010), П.С. Стефановича (Стефанович, 2012), Д.А. Боровкова (Боровков, 2016), В.А. Волкова (Волков, 2016; 2017)⁵. Наоборот, слишком широко рассматривают проблему А.Н. Поляков – «Киевская Русь как цивилизация» (Оренбург, 2010) или Б.Н. Кузык и Ю.В. Яковец – «Цивилизация: теория, история, диалог, будущее. Т. IV. Истоки и вершины восточнославянской цивилизации» (М., 2008). Впрочем, не претендуя на полноту историографического обзора, отметим, что этим список новых или интересных работ, безусловно, не исчерпывается. Тем более что мы не затронули работы наших белорусских и украинских коллег, археологические, нумизматические, лингвистические, геральдические, эпиграфические, историко-культурологические, историко-правовые, источниковые, историографические и другие специальные исследования (по исторической этнографии, налогам, семейным отношениям и т. д.). Однако последние чаще носят узкоспециальный характер, освещая только один аспект государствово-неза, или же если и весь его процесс, то только под определенным углом зрения, по данным конкретной категории неписанных источников, чаще всего – локально ограниченных.

Что касается современной белорусской и украинской историографии, то мы, к стыду своему, должны признаться, что в последние годы не уделяли им того внимания, которого они заслуживают. Работы наиболее ярких их представителей по общерусской (или хотя бы южнорусской) тематике 90-х гг. XX в. и начала XXI в. освещены в «Историографических замечаниях» во 2-м издании нашей монографии. Относительно же начальных десятилетий XXI в. украино-белорусская историография еще ждет своего исследователя. Отметим только обобщающий труд В.Н. Темушева, вышедший в Москве в 2014 г., так как его название частично совпадает с нашей работой: «Образование Древнерусского государства». Впрочем, небезынтересно отметить взгляды ведущих украинских археологов и историков Древней Руси А.П. Моци и П.П. Толочко на процесс создания ее государственности, отраженные в докладах на между-

⁵ Пчелов Е.В. Рюрики. М., 2010; Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012; Боровков Д.А. Междукняжеские отношения на Руси конца X – первой четверти XII в. и их репрезентация в источниках и историографии. СПб., 2016; Волков В.А. Войны и дружины Древней Руси. М., 2016; Волков В.А. Ратные силы Древней Руси. М., 2017.

народных конференциях 2010, 2012 (Брянск) и 2014 (Коростень) годов. Первым автором противопоставляется южная, Киевская «Русь» и северная «Росия» (первоначально, в X в. – «внешняя Росия»), притом что центром русского государствообразования изначально был Киев. По сути, это возвращение к «полянско-русской теории Грушевского – Рыбакова» без дополнительных аргументов. Более осторожен второй автор – П.П. Толочко, говоря об изначальном полицентризме древнерусской государственности и отрицая роль варягов и Рюрика в ее создании тем, что постулируется наличие «племенного этапа государственности» еще до их призвания⁶⁷.

Если обратиться к историографии древнерусского государствогенеза в дальнем зарубежье, то в издании 2009 г. эти исследователи упоминались лишь в контексте конкретных теорий, созданных еще русскими учеными (в основном В.О. Ключевским и Г.В. Вернадским). Отметим, что среди них много выходцев из славянских стран или их прямых потомков – Д. Оболенский, А. Соловьев, О. Прицак, В. Дучко, Дж. Линд, Р. Пайпс. О. Прицак, впрочем, вновь стал украинским, а В. Дучко польским ученым, зато, например, Ф. Андросук, один из первых учеников А.П. Моци, из украинского ученого сравнительно недавно стал шведским. Есть еще, конечно, «классики» англоязычной русистики – С. Франклин и Дж. Шепард, чья совместная монография («Начало Руси. 750–1200») в конце 1990-х гг. была даже переведена на русский язык (до них этой чести удостоились лишь Г.В. Вернадский, Д.Д. Оболенский и Р. Пайпс). Кроме них, в связи с «городовой теорией», упоминался ряд немецких авторов (Х. Рюсс, Д. Мюле, Г. Шрамм) – вот, собственно, и все. В настоящей книге взглядам англо-американских авторов на процесс государствогенеза посвящен отдельный раздел. Связано это с явно возросшим в XXI в. интересом русистики (прежде всего американской) к Древнерусскому государству, включая и проблему его образования.

У самого автора после публикации 2-го издания в 2009 г. вышло еще несколько книг, но часть из них – по регионально-военной истории и археологии. Собственно к историко-антрополого-древнерусской тематике относятся только две небольшие публикации, при этом еще и коллективные (совместные с нашими учениками – А.В. Федосовым, А.С. Ерохиным и А.Е. Ващейкиным)⁸. Авторский вклад в них состоит в основном из ранее не публиковавшихся частей докторской диссертации, посвященных истории, теории и методологии политической антропологии, а также – в виде кратких очерков – их практическому применению к русскому государствогенезу этапов вожеств и раннего государства. Однако методологические основы, методика исследований, главные положения основной монографии автора и лежащей в их основе докторской диссертации не опровергнуты и даже получили дальнейшее развитие и подтверждение благодаря введению в оборот новых археолого-нумизматических материалов, применению компаративных и статистико-комбинаторных методик (прежде всего корреляционного и контент-анализа), сравнительно-типологического подхода ко все большему количеству исторических и археологических объектов. Сохраняется в этой связи возможность и необходимость переиздания отдельных частей «старых», но не устаревших монографий в неизменном виде. Однако, поскольку с момента их выхода автором разработано много новых конкретных

⁶ «Если Российское государство, а соответственно и этнос (россияне), начали свое развитие 1150 лет тому назад в северных районах Восточной Европы... то тогда можно предполагать, что на юге была реализована схема „поляне – русы-украинцы“. В таком случае ни о каком первоначальном исходном этническом единении на этапе формирования государственных структур не может быть и речи...» (Моця А.П. Начало российской государственности – конец древнерусской народности // Начало русской государственности в IX в. и ее возрождение в первой четверти XVII в. Мат-лы междунар. науч. конф. 25–27 ноября 2012 г. / Под ред. С.И. Михальченко, Е.А. Шинакова, А.А. Чубура. Брянск, 2012. С. 47.

⁷ Толочко П.П. Еще раз о начале Древнерусского государства // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи / Наук. ред. П.П. Толочко. Київ, 2014. С. 11–20.

⁸ Шинаков Е.А., Ерохин А.С., Федосов А.В. Пути к государству. Германцы и славяне: предгосударственный этап. Saarbrücken, 2013; Шинаков Е.А., Ерохин А.С., Ващейкин А.Е. Пути к государству. «Раннее государство» – за и против. Saarbrücken, 2014. См. также.: Шинаков Е.А., Ващейкин А.Е., Ерохин А.С. Формирование Древней Руси с точки зрения политической антропологии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. № 5 (13).

аспектов процесса древнерусского государствогенеза, только частично введенных в научный оборот в форме статей, материалов докладов на конференциях и археологических отчетов, потребовалось и обновление текста за их счет, притом что основные взгляды автора не претерпели существенных изменений.

Рассмотрим последовательно, какие части новой книги «перекочевали» из «старых» монографий, а какие являются новыми, хотя ранее частично и опубликованными в форме статей. Абсолютная новизна относится к **главе 1** – «Методология». В нее вошли ранее почти не публиковавшиеся материалы, использовавшиеся при подготовке докторской диссертации (хотя и здесь – далеко не все), в том числе и те, которые в ее основной текст не вошли. Некоторые были опубликованы ранее, но отдельными статьями и даже тезисами, в том числе свыше десятка – на английском языке и в электронном варианте. Целостная же методологическая основа исследования, особенно применительно к Древней Руси, создается впервые.

В главе 2 – «Историографические заметки» – существенных изменений не произошло, так как ни взгляды автора на предшествующую историографию не изменились, ни, собственно, и концепции современных авторов (не говоря уже о тех, чья научная деятельность осталась в прошлом). Добавился § 6 «Начало государства в западноевропейской, американской и отечественной политической (социокультурной) антропологии», являющийся своеобразной реакцией на замечания тех из оппонентов, которые «требуют» категоричного ответа на вопрос: когда же конкретно (желательна дата) «еще не государство» стало «подлинным государством»? Указанный раздел подготовлен нами совместно с А.В. Федосовым, более же подробные данные об англо-американской историографии вопроса см. в совместной с ним статье⁹. В данную книгу не вошло историко-полемическое «Введение» ко 2-му изданию, посвященное ответам на замечания к 1-му изданию, поскольку было актуально лишь на тот период.

Из **главы 3** («Источники») исключены, по сравнению с предшествующими монографиями, несколько разделов: практически полностью § 1 («Общий обзор источников...»). § 3 («Иные источники о славянах и русах...»), § 4 («Иностранные источники...»). Не только не сокращены, но даже расширены, однако абсолютно переструктурированы § 6 («Реалии второй половины X – начала XI в.: возможные источники описания...») и § 7 («Обзор неписанных источников»). Произошло это за счет проведенных автором работ по анализу некоторых литературно-фольклорных образов, событий и явлений на основе комплексного компаративного анализа разных категорий, типов и видов источников. Сделано это было потому, что обзор источников – не самоцель, а средство, обоснование методики для повышения объективности последующего анализа и усиления степени доказательности его выводов. Из § 5 («Отечественные источники и их взаимоотношение с иностранными») оставлен только контент-анализ именников преамбул договоров руси с греками, а все, что касается Олега Вещего, исключено, но лишь для того, чтобы в сравнительно-историческом расширенном варианте появиться в отдельном большом разделе «X-л-гв, Олег Вещий и другие: сравнительный контент-анализ образов», в котором были комплексно использованы не только отечественные, но и хазарские, мусульманские, византийские и скандинавские письменные источники, а также такие фольклорно-эпические, как песни «Эдды» и русские былины, что компенсировало удаление отдельного параграфа по указанным типам источников. Болгарские источники задействованы в разделе «Болгарский след в „Сказании о Вещем Олеге“» (впервые он опубликован в Болгарии еще в 2006 г., но в России издается впервые). В неизменном виде, как полностью оправдавший себя за прошедшие полтора десятка лет (вопреки «критике» В.В. Фомина), перенесен из «старых» монографий раздел «Харальд, Ольга и другие – общие черты повествований» о сопоставлении «обрамления» образов Харальда Сурового и Ольги. Это же можно сказать и о разделе

⁹ Федосов А.В., Шинаков Е.А. Происхождение и формирование Древней Руси в IX–XII вв. в работах англо-американских авторов // Вестник Брянского государственного университета. № 1 (31). 2017. С. 128–135.

«Корреляционный контент-анализ понятий „славяне“ и „русы“ в восточных источниках 1-й традиции», который в прежних монографиях составлял отдельный параграф. Единственное отличие в том, что его методика и выводы оправдали себя за куда больший срок: это был первый опыт автора (1986–1987 гг.) по применению корреляционного контент-анализа к письменным источникам (ранее мы использовали его только в сфере археологической типологии).

Что касается § 7 «Неписьменные источники» (названного в новой книге «Археологические и иные вещественные источники»), то он обновлен полностью и состоит из трех разделов. Раздел «А» посвящен использованию археологических и нумизматических источников для подтверждения, опровержения или дополнения и уточнения конкретного события, а точнее, взаимообусловленной череды событий 40-х гг. (возможно, и более ранних) X в. и их ближайших последствий, предварительно реконструированных на основе комплексного компаративного анализа разных типов письменных источников. Раздел «Б» содержит данные об особом типе археологических памятников, характерных не только для Руси, но, например, и Дании, однако только для одного этапа государствогенеза – перехода от «сложных вожеств» к раннему государству с помощью военных механизмов. В разделе «В» прослеживается специфика зависимости размещения археологически фиксируемых поселений, их локальная топография, от физико-географических особенностей разных регионов Руси. Абсолютно новым, отсутствовавшим во всех предыдущих монографиях автора, является § 3, посвященный опыту комплексного анализа уже *всех* категорий, а не только типов источников по тем же событиям середины X в., при этом рассматриваемым в более широком международном и междисциплинарном ракурсе.

Глава 4 является основной, поскольку на базе предшествующих методологических, источниковедческих и методических парадигм в ней прослеживается конкретный, трехэтапный процесс древнерусского государствогенеза – от отдельных вожеств до окончания фазы становления раннего государства. Условно – с 800 по 1000 г. Что касается происхождения отдельных ее частей, то оно следующее. В неизменном виде перенесен из «старых» монографий § 4 («На пути к ранней государственности»), так как, по мнению автора, он был наиболее удачным и завершенным, и нам практически нечего добавить к сказанному, за исключением некоторых археолого-геральдических и нумизматических штрихов к разделу «Механизмы объединения...», имеющих специальный характер. То же можно сказать и о § 1, посвященном регионально-потестарной специфике «простых вожеств» первого этапа государствогенеза. Конечно, по региону «Юго-Восток» можно было бы добавить много новых материалов и интересных выводов, ибо это основная территория практической деятельности автора, но они относятся к сфере археологии, нумизматики, геральдики, культурологии, исторической этнографии и демографии и для нашего формата монографии представляются слишком специфичными.

В § 2 и 3, при сохранении некоторых «старых» разделов, включены и новые, § 2 («Происхождение Руси...») даже начинается со сравнительно нового (первая публикация – 2014 г.) раздела «А»: «Три первых упоминания русов...» (имеются в виду византийские, западноевропейские и мусульманские источники, описание которых было «опущено» в главе 3). Абсолютно новыми разделами: «Северная конфедерация: „за“ и „против“»; «К вопросу об „альтернативной“ Руси предгосударственности восточных славян в середине – второй половине X в.». – и начинается, и заканчивается § 3 («Этап „сложных вожеств“...»). Степень новизны этих двух проблем примерно одинаковая: о «Северной конфедерации» (иногда «федерации»), относя ее, правда, уже к раннегосударственному этапу, впервые стала писать Е.А. Мельникова в 1993 г.¹⁰,

¹⁰ Мельникова Е.А. Предпосылки возникновения и характер «северной конфедерации племен» // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т. Пашуто (12–14 апреля 1993 г.) / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1993. С. 53–55.

об альтернативной государственности – сам автор совместно с А.В. Григорьевым в 1990 г., а в 1993 г., по нумизматическим источникам – с В.В. Зайцевым¹¹. Однако только сейчас второй объект исследования, выявленный поначалу лишь на уровне предположений, теперь с накоплением археологических, нумизматических, культурологических сравнительно-этнографических и фольклорных кросскультурных материалов обретает специфические черты, территориальные и более точные хронологические рамки¹². Это и отражено в разделе данной книги. Что же касается «Конфедерации», то автор лишь недавно, внимательно изучив «аргументы сторон», стал поддерживать идею ее существования уже осознанно, а не из-за авторитета создателя этой идеи. Выразилось это в совместной с еще одним учеником автора А. С. Ерохиным статье¹³ и последнем разделе § 3. В этом аспекте автор согласен с большинством отечественных исследователей, которые, в отличие от современных англо-американских коллег, не ставящих под сомнение «Русский каганат» в качестве предшественника Древнерусского государства, за «Северной конфедерацией» такой роли не признают. В этом они солидарны с некоторыми отечественными исследователями, от В.В. Мавродина (1956 г.) до В.В. Седова (1999 г.)¹⁴, хотя те понимали данный каганат как славянский, а англо-американцы – как норманнский.

В § 5 («Консолидация государства») перечислены три главных фактора, способствовавшие укреплению раннего государства, только что созданного благодаря завоеваниям и последующим реформам Владимира Святого. Это – перестройка структуры с «племенной» на территориальную, использование печенежского натиска и оборонительных войн для идеологического оправдания реформ, прежде всего (но не только) – создания постоянной армии на новых основах, преданной князю, а также быстрая ликвидация (с помощью временного введения смертной казни) «разбоев», возникших из-за быстрых темпов «перестройки» и появления массы «изгоев», что угрожало стабильности государства. Соответственно, раздел «А» («Роль оборонительных войн») был взят из «старых» монографий, но дополнен материалами некоторых новых статей и выступлений на конференциях, в том числе зарубежных. Раздел «Б» («Элементы правовых механизмов...») включается в монографию впервые, так же как и большая часть раздела «В» («Переселенческая политика...»).

Переход права в руки государственного аппарата из ведения «общества» с его обычным правом, или «монорматикой», являясь одним из четырех существенных признаков государства, происходил медленно, начиная с введения княжеских «уставов» княгиней Ольгой во вновь покоренной Земле древлян и заканчивая созданием уже в XII в. Пространной редакции Русской Правды (более точная дата спорна, кроме введенного в 1113 г. «Устава Владимира Моно-

¹¹ Шинаков Е.А., Григорьев А.В. О возможности существования государственности на территории позднеархеологической культуры Х в. // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини; проблеми і перспективи / Від. ред. В.Б. Звагельський. Суми; Ромни, 1990. С. 66–68; Шинаков Е.А., Зайцев В.В. Клады как источники по политической географии Среднего Подесенья в древнерусскую эпоху // Археология и история Юго-Востока Древней Руси / Ред. А.З. Винников. Воронеж, 1993. С. 64–67.

¹² Шинаков Е.А. Еще раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании Х в. (по данным археологии и нумизматики) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8. К 60-летию юбилею А.М. Обломского / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, 2017. С. 193–208; Шинаков Е.А., Григорьев А.В. Об этнопотестарной «общности среднего уровня» на юго-востоке Древней Руси в Х в. // Восточная Европа в древности и средневековье. 2017. Т. 29. С. 253–255; Шинаков Е.А., Чу бур А. А., Пискунов В.О. Привески с тератологическим орнаментом Х–XI веков и их дериваты на Юго-Востоке Руси // Археологическое наследие. 2021. № 1 (4). С. 345–374; Шинаков Е.А., Чубур А.А. О юго-восточной границе Северянско-Вятичско-Радимичского предгосударственного образования в середине – второй половине Х в. // Рогачевские чтения: музей, археология, история / Мат-лы междунар. науч. – практич. конф., приуроченной к 30-летию музея-заповедника «Костенки» (26–27 августа 2021 г.) / Под ред. Д.С. Толстых. Вып. 1. Воронеж, 2021. С. 269–275; Шинаков Е.А., Чубур А.А. О характере границ Северянско-Вятичско-Радимичского предгосударственного образования с Русью в середине – второй половине Х в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 2 (112). DOI 10.18254/S207987840019579–5.

¹³ Шинаков Е.А., Ерохин А.С. «Северная конфедерация»: к вопросу об истоках русской государственности (историографические заметки) // *Rossica Antiqua* 2015. № 2 (12). С. 3–46.

¹⁴ Мавродин В.В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство: Пособие для учителей. М., 1956. С. 85–86; Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 54–70.

маха»). Создавались отдельные правовые акты и позднее, но все еще в рамках «ранней государственности» (включая Новгородскую и Псковскую Судные грамоты). В этой связи включать правовой аспект в процесс государствогенеза представлялось затруднительным (хотя и здесь у нас имеются определенные наработки и публикации). Однако один акт, как бы знаменовавший смену отношений реципрокности на господство-подчинение, то есть принципиальное изменение статуса верховного правителя, то есть появление у него права казнить подданных, был все же включен, тем более что он и укладывается в формальные хронологические рамки, и является актуальным даже сейчас. Право, наряду с религией, степенью и формой идеологического обеспечения, легитимации власти, постепенно меняет и менталитет народа. Все эти разделы жизни тесно взаимосвязаны и заслуживают отдельного внимания, тем более что относятся уже в основном к фазе расцвета и стабильного существования ранней государственности (значит, по крайней мере к XI–XII вв.). Возможно, автор вместе с представителями правоведения и культурологии в будущем и предпримет эту попытку, благо что заделы для этого имеются. В данной же монографии раздел «Идеологические механизмы легитимации власти у восточных славян» включен в состав главы 1 («Методология») для полноты картины механизмов, которые использовались для создания и консолидации ранней государственности. Другое дело, что идеологическое обеспечение власти, ее легитимация создавались уже в XI и XII вв., хотя и касаются особенностей институционализации власти на разных этапах государствогенеза и могут использоваться как источник не только по духовной (политической) культуре и менталитету, но и по реконструкции самих более ранних событий, а также их мотивации. Переселенческая политика князей как часть демографических механизмов консолидации государства также далеко выходит за рамки X в.

Однако начиная с Ярослава Мудрого, то есть с началом расцвета ранней государственности, целенаправленные системные переселения как из-за рубежей Руси, так и внутри ее, преследовали уже иные цели, чем при Владимире Святом, который эту политику начал проводить. Она была абсолютно необходима с учетом этнопотестарной и территориально-демографической структуры только воссоединенного государства, при этом одновременно решалось сразу несколько задач, связанных с укреплением этого нового социального образования (см. раздел «В»). В дальнейшем цели менялись, но не сразу, так что провести четкую типологическую грань непросто. Кроме того, весьма интересно сделать диахронное сравнение цели и характера реализации указанных механизмов на разных фазах ранней государственности, тем более что «маховик» их действия был запущен еще на стадии государствогенеза. И последнее: желательно иметь представление об этих «мероприятиях» власти как о целостном специфическом явлении, отличающем Русь от других синхростадиальных ей стран (к более высокоразвитой Византии, где данная политика также широко применялась, это не относится).

В новом издании сравнительно-исторический акцент сведен до необходимого минимума. Он не сокращен, однако на фоне расширения материала отошел на второй план, играя вспомогательную роль. При этом он даже усилился за счет большего привлечения иностранных источников для комплексного анализа ключевых событий и фигур древнерусской истории; кроме того, нельзя игнорировать и большую степень участия «иностранцев» этносов в процессе русского государствогенеза (или же сопротивления этому процессу). Однако новых разделов, специально посвященных типологическим сравнениям явлений, процессов и структур Руси с другими странами или связям с ними, в текст данной книги не включено, хотя автор, иногда в контаминации со своим учениками и коллегами: А.В. Федосовым, А.С. Ерохиным, С.Г. Поляковой, И.Х. Джембовым, опубликовал столько работ (более половины на английском языке или в дальнем зарубежье) по типологическим связям Руси с Англией, Болгарией, Польшей, Великой Моравией и Данией, анализу форм государственности славянского мира, что это может составить отдельную книгу. Именно потому в это издание они и не включены. По необходимости нами сохранены сопоставление Новгорода и Бенина, сходство процессов формирова-

ния властных структур того же Бенина и «Северной конфедерации», дружинных государств на Руси и в Польше,

«двухуровневых» держав на Руси и в Болгарии, сравнение «дружинных лагерей» Руси с «лагерями викингов» («королевскими крепостями») Дании и возможное участие именно датско-норвежских «варягов» в завоевании Киева Владимиром Святославичем.

В заключение автор хотел бы выразить благодарность всем, кто помогал готовить данную книгу к публикации: своим ученикам и соавторам в некоторых разделах – А.В. Федосову, А.С. Ерохину, В.Н. Гурьянову и А.А. Чубуру, редакторам В.Г. Лозинскому, И.В. Мельникову, а также пану Ежи Кушнержу и Ю.Н. Устиновой.

Глава I

Методология

1. Этапность древнерусского государствогенеза в политико-антропологическом аспекте

Одним из самых перспективных научных направлений в сфере социо– и политогенеза в настоящее время является то, которое вошло в XXI в. под двумя преобладающими названиями – *социокультурная* или *политическая антропология*¹⁵.

И ранее, и сейчас (но в более редких случаях) к одной и той же, по сути, науке применялись термины «социальная», «структурная», «культурная» антропология (самый ранний от 1908 г. – это первый термин, в то время один из эквивалентов социологии, последние принадлежат К. Леви-Стросу в 1950-х гг.), что отражает ее изначальное происхождение от социологии и этнологии, связь с культурологией. Общими и одними из главных предметов изучения последних являлись структура конкретных этносоциальных организмов и их культура, понимаемая как некая «всеобщность», отличие человека от животных. Происхождение антропологии отчасти от философии истории (особенно в варианте М. Блока и школы «Анналов»), ее переплетение с неозоолюционизмом, зародившимся у будущих антропологов Дж. Стюарда и Л. Уайта еще в конце 30-х гг. XX в., отражают термины «историческая» (Гуревич, 1993)¹⁶ и «эволюционная» (Влит ван дер, 2006).

С. 387) антропология. Симбиотический и редкий характер имеют термины «политическая историческая антропология», «потестарно-политическая этнография» (Куббель, 1988), «этносоциальная история» (Мисюгин, 1984). Безусловно, во всех случаях имеется в виду одна и та же наука или научное направление, разве что с несколько разными аспектами при изучении одних и тех объектов. Разные названия – результат все еще не достигнутой «договоренности о терминах».

В ее рамках существует ряд устоявшихся и в разной степени общепринятых положений и понятий. Отметим плодотворную бинарную оппозицию и взаимодействие структурнотипологического (в том числе этнорегионального) подхода с процессуально-этапным. В рамках последнего то стихает, то возобновляется противостояние чисто процессуального и стадийного подходов, моно– и полилинейности процессов, их только поступательно-прогрессивного или противоречиво-возвратного характера. По сути, у истоков неозоолюционизма, главным отличием которого от «классического» является полилинейность социогенеза, стоит Ф. Энгельс с его тремя путями эволюции – «римским», «афинским» и «германским». В последние годы актуализировалась дискуссия о разных путях развития к цивилизации, в том числе и не через государствогенез. Неотъемлемой частью процессуально-этапного подхода является понятие (термины могут различаться) «механизмы государствогенеза» или, отражая наиболее существенные его аспекты, «институционализации и легитимизации власти». Следует отметить, что эти понятия связывают данный поход с «горизонтально»-типологическим, так как

¹⁵ О соотношении терминов «социальная» и «культурная» антропология в их историческом развитии в последнее время см.: Skalniņ, 2002; Camei-ro, 2003, а также из более ранних изданий: A handbook of method... 1962.

¹⁶ О понимании термина (хотя сам он введен в 1959 г., см.: Easton, 1959) «история политической антропологии» нет единой точки зрения, ср.: Politikal anthropology, 1966; Winkler, 1970; Service, Cohen, 1978; Claessen, 1981; Кочакова, 1986; Куббель, 1988; Годи́нер, 1991; Крадин, 2001; 2004.

существует определенная контаминация между механизмами государствогенеза и теми формами государственности, к которым они приводили.

Механизмы социо- и политогенеза различаются, хотя в реальности они часто переплетены. Набор первых в последнее время хорошо разработан, формально на примере Сабейского региона, А.В. Коротаевым (Коротаев, 1997а). Что касается вторых, то данные о них содержатся в работах, связанных с конкретными путями, территориями и этапами политогенеза. Автор в свое время попытался скомпилировать эти данные для трех этапов политогенеза: формирование вождеств; переход от простых вождеств к сложным и развитие последних; переход от сложных вождеств к ранним государствам. А еще ранее, до знакомства с положениями политической антропологии, нами предлагалась иная периодизация процесса древнерусского государствогенеза.

Этап 1: конгломерат «варварских» государств и не-государств при военно-торговом господстве «русов» и Новгорода (IX – сер. X в.);

Этап 2: полная победа верхнего уровня государственности («русов», внутри которых право на власть имеют только Рюриковичи). Государственная форма эксплуатации (вторая пол. X – сер. XII в.);

Этап 3: формирование государственности в полном смысле слова с элементами классовых функций (Шинаков, 1993б. С. 178–179).

Для древнерусского государствогенеза (мы далее используем именно этот термин, так как понятие «политогенез» в данном случае и в этом аспекте не совсем адекватно сути изучаемого явления) было сделано лишь две попытки принять указанную схему этапности и адаптировать ее к североевропейским, в том числе русским реалиям (Майоров, 2001). Автор в своей диссертации конца 1990-х гг. и монографии 2002 г., отражающей основные ее положения, придерживается следующей схемы поэтапной динамики процесса формирования древнерусской государственности. Вторая сделана В.В. Пузановым. Приведем свой вариант.

А) Этап отдельных «вождеств» и иных позднепотестарных образований разных типов и этносов на территории будущего Древнерусского государства

Это так называемые «племенные княжения», пригорода-государства североевропейского типа – «вики», племенные военно-потестарные союзы под протекторатом Хазарского каганата и т. д. Верхняя грань этапа – в основном середина и вторая половина IX в., до Рюрика и Олега (степень их реальности и/или легендарности – в данном случае не тема нашего исследования). В отдельных потестарно-политических зонах (регионах)¹⁷ будущей древнерусской части Восточной Европы «переживание» этого этапа затягивается (или путем «отката» возобновляется) до середины и второй половины X в. Связан последний факт с кризисом верховной власти на Руси в 40-х гг. X в. (при Игоре), повлекшим, по нашему мнению¹⁸, реанимацию в некоторых регионах позднепотестарных образований во главе с местной иерархией.

Б) Этап «сложных вождеств»

Этот этап предгосударств потестарно-политического этапа, «территориальных царств», сложносоставного государства, «варварских королевств» Большого переходного (дофеодального) периода, «военной демократии» и «военной иерархии» (по терминологии различных

¹⁷ Пожалуй, первый обоснованно затронул аспект регионально-политического деления Восточной Европы А.П. Новосельцев (Новосельцев, 1991). Мы также касались этого вопроса, а затем и разработали собственную схему регионально-типологического аспекта генезиса древнерусской государственности (Шинаков, 1993б. С. 179; 1998 г; 1998в; 2000а, г; 2002а. С. 106–137). До конца X в. линии развития в этих 5–6 регионах были типологически различны, но все привели к одному раннему государству.

¹⁸ Существуют, впрочем, и иные мнения о значимости кризиса и реформ Ольги, а также степени политико-территориального регресса государственности (Горский, 2004).

отечественных и зарубежных специалистов по политической антропологии) укладывается в период конца IX в. – середины и начала второй половины X в. (Олег, Игорь, Ольга, Святослав, Ярополк). На одной части территории Древней Руси он завершается реформой Ольги, на другой – после объединительных мероприятий Ярополка и Владимира.

Конкретно на Руси данный этап государствогенеза обретает форму «двухуровневого государства» (Фроянов, 1988), устройство и функционирование которого подробно и со знанием дела описаны Константином Порфирогенетом (для конца 30-х гг. и начала 40-х гг. X в.). Оно характеризуется единообразием «верхнего», то есть русского, уровня власти, образующего «скелет» сложносоставного государства, – и этнокультурным, потестарно-типологическим разнообразием нижнего, то есть «славянского», уровня власти. У Константина это выражено в господстве «Росии» над несколькими «славиниями», носящими этноплеменные наименования. Господство базируется на военном превосходстве «всех росов»¹⁹ над каждой конкретной «славинией» и отчасти реципрокностью²⁰ в отношении двух уровней власти. «Племенная» иерархия была заинтересована в причастности к получению своей доли предметов «престижного потребления» от внешней торговли, а также совместных походов на Византию и, возможно, Восток. Внешне, за исключением особой роли международной торговли, эта система напоминает чуть более раннее, но синхростадиальное Первое Болгарское царство VIII – начала IX в. (до реформ Крума).

В) Переход к раннему государству

Данный этап перехода к раннему государству начинается с реформ Ольги и завершается в основном при Владимире Святом, в правовом отношении – при Ярославе Мудром и его сыновьях.

Внутри этого перехода можно выделить фазы территориально ограниченных, но перспективных реформ Ольги; призванный привлечь к «государственному строительству» внешние ресурсы (однако в итоге отвлекший не только их, но и внутренние силы от этого процесса) «имперский эксперимент» Святослава; объединительные мероприятия Ярополка и Владимира (возможно, и Олега Святославича); всеобъемлющие реформы Владимира; правовые реформы XI в., вызванные случайными причинами и социально ограниченные, при Ярославе Мудром, более всеобъемлющие и системные при его сыновьях (1072 г.). Этот год создания Краткой редакции Русской Правды, пожалуй, и можно считать окончательной формально-юридической датой создания раннего государства на Руси.

Древняя Русь не шагнула выше раннегосударственного этапа государствогенеза и не достигла этапа «зрелой», или «сложившейся», государственности. Однако для последующих синхростадиальных или диахронных сравнений необходимо знать формы такой государственности, хотя бы для того, чтобы определить тенденции развития, направления и элементы типологического сходства. Это особенно нужно в связи с региональной этнокультурной и потестарной гетерогенностью Древнерусского государства.

Классификация «сформировавшихся» («зрелых», «сложившихся») государств проводится нами самостоятельно, по комплексно-сравнительному методу. Анализ дается по всем признакам, характеризующим ту или иную форму, затем вычленяются ведущие, специфичные для нее, и, наоборот, те, что сближают ее с другими. «Идеальная модель»²¹ формы госу-

¹⁹ Константин упоминает, что в полюдь едут «все росы» (Константин Багрянородный, 1991. С. 50–51), что уже свидетельствует о сравнительно небольшой их численности. Для более раннего времени Гардизи называет число 100–200 русов, совершающих ежегодный зимний объезд земель славян (Новосельцев, 1965. С. 400).

²⁰ Термин является общепринятым в политической (социокультурной) антропологии и адекватного перевода на русский язык не имеет. Он наиболее соответствует таким понятиям, как взаимобмен услугами и взаимовыгода.

²¹ В данном случае присутствует дубликат термина, но не понятия: «идеальная модель» не имеет никакого соотношения с «региональной моделью» (Среднеевропейской, Североевропейской и т. д.). Первая также отличается от «идеальных типов

дарственности существует лишь в воображении, реально она является «равнодействующей» набора социально-политических организмов, в той или иной степени, по тем или иным показателям близких к ядру «модели». «Идеальные модели» не только могут, но и должны строиться без учета их социально-экономической основы, так как реальные их составляющие (социально-политические организмы) не могут без нее существовать и описываться. Если же в одном из них настолько переплетаются специфические признаки разных моделей, что его нельзя отнести целиком ни к одной из них, то мы имеем перед собой «сложнотипологическое» государство (не путать со «сложносоставным» в политикотерриториальном аспекте). Если сочетаются признаки разных этапов государственности в одном организме или даже модели, то его можно отнести к «сложнопереходной» форме. В случае если государство состоит из нескольких суборганизмов разных уровней и типов, то этап его развития определяется по верхнему, господствующему в них, а по форме оно будет относиться к «двухуровневым» либо к «сложным». «Сложнотипологическое» характеризуется сочетанием признаков разных форм в одном организме (федеративном, имперском или даже унитарном по территориальной организации).

Если представить все это в графическом виде, то конкретные организмы (иногда сгруппированные в регионально-типологические модели) располагаются внутри окружности, центром и ядром которой является «идеальная модель». Последняя включает в себя признаки, присущие хотя бы двум организмам данной формы государственности. Организмы, располагающиеся по разные стороны диаметра окружности, ближе к кругам других форм государственности, могут обладать максимумом общих признаков, но и они будут представлены в ядре — «идеальной модели» данной формы. Окружности (практически — сфероиды в трехмерном пространстве) могут частично «находить» друг на друга, сближаться или отдаляться. В их пересечении находятся те сложносоставные государства, чьи суборганизмы типологически различаются на уровне форм государственности.

Признаки группируются по нескольким разделам, отражающим как структуралистский, так и процессуальный подходы. Для их подбора использованы критерии, предложенные П. Ллойдом (для Африки), Л. Алаевым (Алаев, 1982), отчасти Б. Тюриным (для Азии), а также выявленные при сравнительно-историческом анализе конкретных социально-политических организмов и форм государственности. Это:

- Путь и механизмы образования сложившегося государства данной формы.
 - Экономическая основа.
 - Экономически господствующий класс, его характер, источники формирования, пополнения и обеспечения.
 - Эксплуатируемые слои и классы, степень их организации и юридический статус.
 - Территориальная структура.
 - Система правления.
 - Форма правления.
 - Состав, источники формирования и пополнения государственного аппарата.
 - Функции государства в целом и государственного аппарата. Наличие или отсутствие государственных функций у отдельных слоев или групп общества.
 - Источники и виды доходов государственного аппарата.
 - Основные направления расходования средств.
 - Соотношение понятий «общество» — «государство», характер их взаимоотношений.
- Соотношение государственного аппарата и господствующего класса, политический режим. Источник власти.
- Идеологическое обеспечение власти, степень влияния и роль религии.

– «Национально»-территориальная политика правящих верхов, степень ее понимания и поддержки в обществе.

– Характер внутренних конфликтов и их разрешения.

В итоге мы остановились на следующих основных формах сложившейся докапиталистической государственности:

– Полис (классический).

– Земледельческий («восточный») город-государство.

– Торговый город-государство.

– Сложный (иерархический, разросшийся) город-государство.

– Кастовое государство.

– Чиновничье-бюрократическое авторитарное государство.

– Феодално-иерархическое государство.

– Государство как религиозная община.

– Корпоративно (этнически) – эксплуататорское государство.

– Двухуровневое государство.

– Сложное государство.

2. Типология форм государственности

Форма 1. «Классический» полис

Полис – гражданская община, внутри которой отношения, включая конфликтные, регулируются посредством закона, реформ, общественного мнения. Ее сплоченность достигается тем, что она является коллективной военной организацией и (иногда) коллективным эксплуататором населения хоры или рабов. Характер связей государство – общество: первое на службе последнего; источник власти – общество; обязательная обратная связь; функции самообеспечения государственного аппарата отсутствуют; классовые интересы поглощены общенародными. Это, а также частнопроводное рабство неграждан, международная торговля, колонизация, ограниченный характер земельной собственности и экзоэксплуатация (войны, торговля с варварами, эксплуатация неграждан, коллективные рабы и т. д.) позволяет поддерживать не только равноправие граждан, но и относительное благополучие, имущественное равенство. Это делало классические полисы достаточно внутренне стабильными организмами, а их граждан – заинтересованными в подобной форме государственности без дополнительных мер идеологического обеспечения.

В типологически близких полисам производственно-торгово-ростовщических коммунах Италии (Флоренция, Сиена) и Дубровницкой республике отсутствие частнопроводного рабства, ограниченность контадо и внешних общегосударственных источников обогащения приводили к более резкому имущественному и социальному (но не политическому)²² неравенству, социальным конфликтам и политическим переворотам, в том числе к союзам низов граждан с негражданами (грандами) против опоры республики – средних слоев буржуа. Впрочем, в этом суть и некоторых полисных тираний. Так, обожевленный (и убитый позднее гражданами) тиран Гераклеи Клеарх освободил и включил в свою «семью» (то есть аристократический род) рабов своих противников (Шелов-Коведяев, 1985. С. 176) (что-то сродни аристократическому пути формирования восточной деспотии). Были и иные случаи: союз городского демоса с земледельческими рабами-киллириями из местного населения против землевладельцев-аристократов. Но это едва ли не уникальный пример.

Форма 2. Земледельческий («восточный») город-государство

По сути, это то же чиновничье-бюрократическое государство, без разделения в правах жителей города и сельской округи. Источник власти – правящая верхушка. Но далеко не всегда лично царь, его род или династия – деспот. Часто у власти стоит коллегия жрецов, связанная с главным храмом, несколько аристократических родов, имеющих опору и в сельской местности в виде «их» общин или частных земельных владений. Власть правителя не столь абсолютна, как в территориальных «деспотиях», она опутана как старыми, родовыми, так и новыми, связанными с его обожевлением, ограничениями. Источник власти и господствующий класс, обладающий властью и собственностью, – аристократы-землевладельцы, воины и жрецы; подчиненный им аппарат – чиновники, солдаты-наемники (часто иностранцы) или рабы. Содержание их идет в основном за счет централизованной ренты – налогов. Гигантскую роль играет идеологическое обеспечение власти и религия.

Форма 3. Торговый город-государство

Специфика торговых городов-государств в том, что они часто являлись суборганизмами более крупных инотипологических образований (города Финикии, Малайи, Ганзы), но были и независимые – на Малабарском побережье, в Аравии, Сахеле, в средневековой Италии. Их

²² Определенные ограничения в пользу олигархии, аристократии, тирании возникали, но они были и в полисах.

отличает принципиальная этническая «открытость» городской общины, источником власти в которой были, однако, не все ее граждане, но аристократически-олигархическая верхушка, богатства которой позволяли ей экономически «подкармливать» граждан взамен на изъятие у них активных политических прав. Все три группы функций переплетаются в одно целое.

Господство может осуществляться и насильственными методами в случае конфликтов с «обществом», но после их ликвидации следуют определенные реформы компромиссного характера. Налогов нет, соединенный в одно целое господствующий класс купцов и финансистов (иногда связанный и с землевладением) имеет независимые от своего общества источники существования. Отношения государства и общества – реципрокность (по К. Поланьи) (Polanyi, 1957; 1967). Идеологическое обеспечение власти, кроме Финикии, слабое. Это государства достаточно мобильные и внутренне устойчивые, но слабые в военном отношении.

Форма 4. Сложный (иерархический, разросшийся) город-государство

Относясь к разряду уникальных, могут, хотя и редко, возникать на уровне «протогородов» (Теночитлан). Имеют очень сложную территориально-политическую структуру с градацией политических прав, но с обязательным сохранением на вершине «пирамиды» привилегированной «столичной» общины, активные политические права которой, правда, ущемлены в пользу общегосударственной политической верхушки. Политическая ступенчатость наверху непременно дополняется социально-политической внизу. Ранний вариант – держава ацтеков, классические – Карфагенская, Римская и Новгородская республики, в «миниатюре» – Херсонесское и Псковское государства, а после приобретения крупных земельных владений и городов на материке, создания «колониальных империй» – Венеция и Генуя.

Форма 5. Кастовое государство

Главная характеристика – слабый государственный аппарат на службе части общества (определенных каст), так как многие государственные функции выполняются обществом в лице отдельных каст и общин. Каста отличается и от клана, и от сословия своей религиозной освященностью и узкопрофессиональной направленностью. В клан входят люди всех уровней богатства, статуса, профессий. Даже в «аристократических» кланах были и земледельцы, и рабы. Сословия ближе к касте, но они не столь локально ограничены и не имеют, кроме некоторых, отдельного руководства. Нельзя согласиться с Л.Е. Куббелем (Куббель, 1988), что касты стадийно предшествуют сословиям – это параллельный путь развития организаций типа варн или открытых корпораций воинов (дружины) в раннесредневековой Европе, или специализированных племенных групп в Африке²³, родов («государство» в Сычуани). В любом случае кастовое государство гораздо ближе к феодально-иерархическому (особенно у раджпутов в VIII–X вв.), чем к чиновничье-бюрократическому авторитарному. Наличие крупных общин – практически маленьких стабильных субгосударств с внутренней жесткой кастовой системой и регламентированным самообменом, делавшими их самодостаточными во всех отношениях (кроме военного) организмами, позволяло часто меняющим свои границы и правителей государствам иметь дело лишь с главами этих общин (старостами или советами-панчатаями), не вмешиваясь в их внутренние дела и раскладку налогов. В итоге государственный аппарат практически устранился от выполнения соционормативной, судебной, регулятивной и хозяйственно-организаторской функций (главных для чиновничье-бюрократических государств) и полностью сосредоточился на самообеспечении, внутренней борьбе и иногда защите от внешних вторжений (впрочем, чаще неудачной).

²³ При таком соотношении понятий ясной становится причина терминологических разногласий по поводу формы государственности Руанды и Бурунди: это и не кастовое (по В.В. Крылову) государство, но и не «чисто феодальное» (по Ю.М. Кобищанову, см.: Кобищанов, 1966. С. 96), а предшественник и того и другого, наиболее близко характеризующееся как «корпоративно(этнически) – эксплуататорское» (Крылов, 1966. С. 98).

Существует четкое разделение функций государства и общества, причем большую часть «общенародных» и значительную часть «классовых» функций (внутри общин были крупные землевладельцы и зависимые от них крестьяне и слуги из других каст) выполняло общество. В результате деятельность государственных и общественных структур разворачивалась в двух разных плоскостях, хотя на верховный суверенитет претендовало все же государство. При сильной религиозности общества функции идеологического обеспечения государственной власти религия напрямую не выполняла. В чистом и сложившемся виде эта форма представлена только в послепобуддийской, но доисламской Индии середины – второй половины I тысячелетия н. э., затем дополнилась исламскими феодальными институтами, что превратило Индию в «двухуровневое» государство (систему государств).

Форма 6. Чиновничье-бюрократическое авторитарное государство

Чаще всего получается из протогорода-общины, основанной на ирригационном земледелии, храмовой общины (часто сливавшихся) или из равноправного союза племен. В качестве путей его образования более всего подходит «римский», по Ф. Энгельсу (через узурпацию власти и собственности родовой верхушки управления), хотя марксизмом иногда назывался и военный («германский», по Ф. Энгельсу) (Никифоров, 1966) путь. Скорее, так: военная экспансия была необходимым механизмом территориального расширения первоначальных ячеек восточной деспотии, возникших в основном на хозяйственно-организаторской и редистрибутивной основе.

Мы хотим отметить также еще один существенный момент: социально и этнически нивелирующая политика правящих верхов. Наиболее четко это сказалось на образовании «деспотий» военным путем (или на поствоенном этапе их формирования). Это – искусственное перемешивание населения и уравнивание в правах (точнее, в бесправии перед властью) всех народов государства, в том числе и тенденция на лишение всех привилегий и «своего» народа-завоевателя. Кое-где этническим различиям вообще не придавали значения с самого начала (Китай, Вьетнам, Византия), где-то развитие было прервано в середине процесса нивелировки (Ассирия, Нововавилонское царство, Персия Ахеменидов, Рим эпохи домината). Иногда эта политика верхов является изначальной, хотя и с обеспечением гарантий собственной исключительности (сохранение особого положения инков по крови и привилегии в созданном ими разноэтничном государстве при явно выраженной тенденции к смешению, введению общеполитических и социальных институтов и даже языка для остальных групп населения).

Форма 7. Феодально-иерархическое государство

Для феодально-иерархической формы государственности самым существенным мы считаем связь определенного объема власти с конкретным земельным владением. Место в иерархии власти зависело от титула, передававшегося по наследству (то есть зависело от личности, а не должности, как на Востоке), и неразрывно связано с земельным владением определенного статуса. Король (император), даже наследственный, все равно был первым среди равных, сильным поддержкой крупных феодалов (ибо мелкие в «идеальной модели» ступенчато зависели от них) и размерами своего личного феода. Налоги почти полностью заменены рентой и повинностями. Общественно-государственные отношения, частное, публичное право, функции классовые и самообеспечения тесно переплетены. Власть более сильная, чем в кастовом государстве, проникающая во все поры общества, но дисперсная (даже в едином государстве), а не централизованная, как в чиновничье-бюрократической форме. Чаще всего возникает из корпоративно-эксплуататорских структур «германским» (по Ф. Энгельсу) или военным, гораздо реже аристократическим, еще реже плутократическим (покупка титулов, владений и доли во власти) путем. Вторичные признаки – четкое сословное отделение слоя, имеющего исключительное право на власть (а иногда и право на ношение оружия), обоснованное и освященное

религией, имеющей здесь особое государственное значение. Города как центры власти имеют минимальное (в «идеале» – не имеют никакого) значение, в отличие, например, от восточной деспотии. Имунитетные пожалования (налогов, доли судебной и административной власти) временного характера имели место и на Востоке (в чиновничье-бюрократической форме) в качестве жалованья чиновникам и воинам. Но они не были гарантированы никаким правом, обычаем и полностью зависели от воли государя. Сама по себе иерархия власти – тоже не показатель: она была и в чиновничьем аппарате, причем должности на определенном уровне в некоторых странах имели наследственный характер (Попов, 1990; 1993б), но не были связаны с конкретными земельными владениями и местной властью. Нельзя, конечно, исключать попыток «феодализации снизу», то есть попыток чиновников превратить ранговые, должностные и наградные надели в наследственные, а также присвоить себе собственность и власть над теми землями, с которых им поручалось собирать налоги.

Форма 8. Государство – религиозная община

Наиболее прямую альтернативу кастовому государству в плане социально и этнически нивелирующей политики представляет государство как религиозная община. Таких государств в мировой истории мало: это Арабский халифат и некоторые его наследники и «оппоненты» (государство ассасинов 1090–1256 гг., например), отчасти Тибет и территориальные организации духовно-рыцарских орденов. Начали создавать государственность подобной формы табориты в Чехии, она была идеалом и некоторых деятелей кальвинизма и нидерландской революции, образцом которым служила идеализированная Оттоманская империя как государство – община верующих.

Формально эти образования близки теократиям (которых было особенно много на ранних этапах политогенеза), но именно формально, внешне: по формам правления. По сути же различия весьма значительны: в теократиях источник власти – жрецы, передающие волю богов, в государстве-общине – она сама и непререкаемый религиозный закон, изменить который не в силах его «толкователи». Очень многое сближает (особенно в системе правления и функциях) с чиновничье-бюрократической монархией: это и четкая организация управления, и забота о благоустройстве территории, путях сообщения, организации хозяйства, науки, культуры, о бедняках. Однако последние функции в «восточных деспотиях» сложившегося типа (то есть без учета инков, например) чаще провозглашались целью государства, а в некоторых государствах-общинах ислама были реальностью. И речь не только об эгалитаристских организациях типа Рустамидского имамата (да и других имаматов), но и о самих законах ислама, системе налогообложения, наличии общественного фонда для поддержки неимущих (Панова, Вахтин, 1990; Матвеев, 1993). Иным было положение правителя и роль законов. Если в деспотиях единственным источником права был государь и все общество было обязано повиноваться изданным им актам, но не он сам, то в «общинах» закон был один на всех. Не только в Халифате, где правитель формально (часто и реально) избирался общиной или ее «лучшими по знаниям и мудрости» представителями – муджтахидами, но и в Турецкой империи он не был абсолютным монархом. Не был он, как в «восточной» форме, верховным собственником земли и недр²⁴, но лишь их распорядителем от имени общины. «Религиозные государства» отчасти напоминают корпоративно-эксплуататорскую форму, а ордена во многом и являются ей на деле. И у арабов, и в Тибете, и в Прибалтике элементы сходства восходят к факту завоевания, что морально, религиозно, политически, да и экономически (разные налоги – или их отсутствие вовсе – для «общины» и подчиненного ей населения) являлось фактором сплочения и живучести эгалитаристских тенденций внутри господствующей религиозной общины. Со временем в Халифате

²⁴ Обычным правом ислама допускалась аренда земли, хотя и ограниченная, что позволило некоторым историкам даже считать шариат инструментом внешнего феодализма на Востоке.

и Тибете этот фактор отошел на второй план или вообще исчез, но в социальном плане (через феодализацию) законсервировался в орденах и возобновился в Османской империи, а также постоянно «подновлялся» в зонах соседства кочевников и земледельцев. Кстати, и для Аравии, и для Тибета прообразом этой формы можно считать полукочевые «двухуровневые» (с эксплуатацией кочевниками политически организованных земледельцев) или корпоративно-эксплуататорские образования.

Для религиозно-общинной формы государственности характерен также большой разрыв между теорией (идеологией) и практикой. Законы шариата были установлены для эгалитарных, слабо дифференцированных общин (в них выделялись лишь вожди и купцы), но меняться, в отличие от социально-экономических и политических условий существования²⁵, не могли. Что же касается национально-нивелирующей политики, то в государствах как религиозных общинах (мусульманских, христианских, буддистских) она заменялась религиозно-нивелирующей.

Форма 9. Корпоративно-эксплуататорская форма

Корпоративно-эксплуататорская форма в основном относится к «средним» этапам политогенеза (чаще всего к переходному – между вожеством и ранним государством – периоду) и может обретать разнообразные конкретные варианты формы: этнические, расовые, религиозные, хозяйственно-культурные (кочевнические), собственно «корпоративные» («дружинное государство», например). Как понятно из описаний «двухуровневых государств», эти две формы весьма схожи, но имеют одну существенную разницу: корпоративно-эксплуататорское государство не терпит сохранения даже элементов политического суверенитета и специфики у покоренных, хотя часто старается законсервировать их социальный, этнокультурный, реже конфессиональный (ибо последний часто равен политическому) статус для простоты идеологического обоснования своих прав на их угнетение. Благодаря последнему фактору к данной форме нельзя отнести, например, державу инков (последние – правящая корпорация) из-за их национально-нивелирующей политики, а также объединения русов конца IX – середины X в., сохранявшие местные уровни власти.

Среди зрелых государств примеры такого рода единичны и связаны со «вторичным», привнесенным политогенезом. К таковым можно отнести лишь Тевтонский (и отчасти Ливонский) орден, где ранжированная, но равноправная, корпоративно сплоченная религиозно-военная община с выборным руководством являлась коллективным эксплуататором христианизированного, но немецкого населения²⁶, а в Ливонском ордене – отчасти и самоуправляющихся немецких городов, составлявших как бы «второй уровень» государственности. Ордена выступали верховными собственниками земли и крепостных, часть которых эксплуатировалась коллективно, а часть отдавалась в лен отдельным братьям, становившимся феодальными сеньорами, но одновременно и фогтами – чиновниками-наместниками ордена. Имели место и налоги, и рента, трудовая и военная повинность. Элементы этой формы есть в Римской империи с ее делением на «граждан» и «неграждан», странах ислама, особенно Турции (по религиозному принципу), в мамлюкском Египте, где власть принадлежала корпорации гвардейцев из бывших рабов-гулямов.

Форма 10. Двухуровневое государство

²⁵ Последние приближались либо к «восточному», государственно-эксплуататорскому, либо к феодальному (через военную систему) способу производства, а власть – к неограниченной (впрочем, часто до поры до времени) деспотии и к феодально-клановому варианту (например, Афганистан).

²⁶ Впрочем, в Пруссии покоренные достаточно быстро перешли на немецкий язык, а часть их нобилей была инкорпорирована в состав собственно ордена.

Характеристика этой формы давалась автором ранее²⁷, поэтому здесь мы ограничимся перечислением конкретных социально-политических организмов этой формы на этапе зрелой (сложившейся) государственности. Параллельно-иерархические (при одной господствующей) структуры (полисной, «восточной» формы и «варварского» уровня) наблюдаются в разных сочетаниях и соотношениях в эллинистических государствах Востока (Селевкидское, Боспорское, Греко-Бактрийское и Парфянское царства). В этом случае, впрочем, не один (полисный) господствует над другим («варварским», вождеским), а над теми и другими стоит монарх, стремящийся, используя противоречия этих двух уровней, превратить свою власть во что-то подобное «восточно-деспотической». В этом плане его можно было бы назвать «двухопорным» и сравнить с абсолютистскими монархиями Европы переходного от феодализма периода, внешне близкими «восточным». Однако здесь это временное положение, вызванное соотношением сил старого и нового классов, на Боспоре же двухуровневость понималась не как временная мера, а как длительная политика, характеризующая самостоятельную форму государственности.

В Средневековье Ливонский орден состоял из «низшего уровня власти» (поначалу он был представлен племенными княжествами латгалов и селов, затем – самоуправляющимися городами, в том числе входящими в Ганзу) и господствующей над ним (или находящейся в договорных с ним отношениях) военно-духовной корпорации (Королюк, 19726). Различия между уровнями являлись вначале этнополитическими, затем – социально-политическими. О допущении двух типов отношений («союз» и «подчинение») в одном унитарном или федеративном в территориальном плане государстве упоминал В.Д. Королюк также для Юго-Восточной Европы. Напоминает «двухуровневость» структура Индии эпохи Делийского султаната и империи Великих Моголов: мусульманская «империя» господствует, кастовые княжества подчинены ей. Отчасти относится к «двухуровневым» зрелая Римская республика: граждане Рима – другие города государства – «союзники» (вожества самнитов и др.). Однако и в том и в другом случаях безоговорочное отнесение этих «систем», или «федераций», организмов к форме «двухуровневых государств» затрудняется сложностью и динамичностью отношений как внутри уровней, так и между ними. Впрочем, и сама «двухуровневость» является не только характеристикой форм государственности, причем по преимуществу переходной и ранней, а не сложившейся (или промежуточной в территориально– и стадияльно-типологических планах между разными формами зрелой государственности), но и линией развития через контакт разнотипических вожеств, связанной с установлением между ними связей уже государственного характера.

Элементы этой формы есть в Римской империи с ее делением на «граждан» и «неграждан», в странах ислама, особенно в Турции (по религиозному принципу), в мамлюкском Египте, где власть принадлежала корпорации гвардейцев из бывших рабов-гулямов. Это же положение сложилось и с Хазарией, которую можно отнести либо к полукочевому раннему государству (и тогда сложность ее структуры закономерна и не требует объяснений), либо все же к этапу зрелой государственности двух, а то и трехуровневой формы (корпорация иудео-

²⁷ Шинаков Е.А. Северные границы «Русской земли» X в. // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Чернигов, 1990. С. 146–149; *Он же*. Два уровня государственности Древней Руси // Актуальные проблемы истории и филологии. Измаил, Брянск, 1993. С. 7; *Он же*. Нетрадиционные источники по периоду образования Древнерусского государства // Отечественная и всеобщая история: методология, источниковедение, историография. Брянск, 1993. С. 177–184; *Он же*. Дружинная культура и русско-северянское противостояние в Среднем Подесенье (рубеж X–XI вв.) // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя. Тези доповідей міжнародної наукової конференції у м. Славутіч. 5–6 жовтня 1994 р. Київ, 1994. С. 41–46; *Он же*. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000. С. 303–347; *Он же*. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 151–193; *Он же*. Этапы развития и особенности государственности в Подесенье в древнерусскую эпоху // Деснинские древности. Вып. 2. Брянск, 2002. С. 16–22.

хазар – столичных чиновников, жрецов, купцов с наемной армией; «вожества» степных ханов; славянские «вожества» и города-государства Крыма).

Форма 11. Сложное государство

Понятие «сложное государство» охватывает те социально-политические организмы, которые интегрируют в себе несколько вышеперечисленных форм государственности и типов связей между представляющими их суборганизмами. В определенном смысле конкретно выраженной частью «сложной» формы государственности являются «сложные города-государства» и «двухуровневые государства». Однако в плане «организации пространства» к ним все же наиболее применим термин «империя», хотя в теории они могут быть федерациями и конфедерациями. В то же время не все империи относятся только к этой форме, но в других формах империи сопутствуют обычно ранним фазам, после чего следует либо распад на отдельные организмы, либо консолидация в унитарное государство.

Учитывая зачастую временный, эфемерный характер «сложных государств» (например, империя Карла V, включавшая феодально-иерархическую Германию, почти абсолютистскую – вариант чиновничье-бюрократической формы – Испанию, бывшие города-государства Италии и Фландрии, американские колонии, по отношению к которым испанцы выступали как «корпоративные эксплуататоры»), в данном случае мы ограничимся перечислением возможных вариантов «идеальной модели». Однако к «сложным» нельзя отнести ни Византийскую, ни Китайскую, ни Священную Римскую империи, в связи с полным (или относительно полным) господством в них чиновничье-бюрократической или феодально-иерархической форм государственности.

1. *Сложносоставные разноуровневые* состоят из типологически одинаковых, но разных по уровню политогенеза суборганизмов, строящих свои отношения с центром по-разному, чаще – как подчинение или союз (например, империя Карла Великого).

2. *Сложнотипологические равноуровневые*, чьи составные части имеют разные формы, но примерно одинаковый стадийно-политический уровень. В качестве примера можно привести некоторые эллинистические монархии Востока, в том числе «двухуровневые».

3. *Сложнотипологические унитарные* состоят из разных по типу и уровню суборганизмов, отношение которых с центром строится одинаково (сравните Боспорское царство, в котором с определенного момента Спартакиды считали одинаково подданными и греческие полисы, и варварские вожества). Для более раннего этапа – инки.

4. *Сложнотипологические разноуровневые* (федеративные) имеют не только разные формы и уровни составных частей, но и разные типы отношений как между собой, так и с центром.

Если вернуться к пространственной модели форм государственности, то сложносоставные государства, независимо от характера связей между суборганизмами разных, но относительно «чистых» форм, будут находиться на пересечении нескольких сфероидов. В случае четко выраженной «двухуровневой» – внутри сфероида этой формы, в случае разнотипологичности при господстве одной из форм, вопрос решается сложнее. Графически конкретный организм можно нанести и на периферии внешней оболочки сфероида данной формы, на расстоянии наибольшего удаления от ядра – данной идеальной модели, либо вообще вне любого из сфероидов, отдельными точками (организмами). В частности, находятся на периферии двухуровневого сфероида, с тенденцией выйти из него вовсе, и некоторые эллинистические монархии, в которых власть стоит (или старается встать) над обеими своими опорами – полисами и чиновничье-бюрократическим местным аппаратом (или «суборганизмами» варварского облика и уровня). Каждое «сложное» государство индивидуально, уникально и по составу, и по набору связей, и по соотношению уровней политогенеза его суборганизмов. Даже небольшой Ливонский орден оказывается не только сложносоставным в территориальном, но

и сложно-типологичным в «вертикальном» плане. В нем, причем зачастую в одних и тех же составных единицах, сочетаются признаки корпоративно-эксплуататорской, феодально-иерархической, двухуровневой, торгово-городской, общинно-религиозной форм, при внешнем господстве последней.

Анализ государственных идеологий древности и Средневековья позволяет выделить два основных типа взаимоотношений между государством и обществом. Для государств, выросших естественным путем из «общин» (полисы), первые находятся на службе у второго. Легизм же, например, Китая является обоснованием тоталитарной «восточной деспотии», где общество («масса», «народ») – только объект приложения творческой активности правителя, поле для его законодательных экспериментов. Наличие или отсутствие законов само по себе не признак «демократизма» или его отсутствия – важен их источник и степень всеобщности применения. В легизме законы обязательны к исполнению лишь для «народа» («общества»), но не для издающего их «правителя» («государства»). В эпоху становления раннефеодальных монархий, особенно в Центральной и Восточной Европе, и не только там, где обошлось без завоевания и римской подосновы (то есть государственность развивалась на местной основе, как бы с нуля), возникает новая политическая теория. Если в реальности короли часто выбирались верхушкой общества или приходили к власти в результате реализованного конфликта, то в идеале их власть представляется «богоданной» или, по крайней мере, имеющей независимое от данного общества происхождение. Встречается и несколько иное направление – призвание правителя самим народом, иногда из своей среды (Чехия, Польша, мордва и др.).

3. Тип элитных воинских формирований как признак форм государственности

Важными наглядными индикаторами того или иного механизма становления, а в итоге и вида государственности являются военно-политические инструменты и средства их формирования – элитные воинские подразделения. Имеются в виду не народное ополчение, не созданные на основе воинской повинности армии восточных деспотий, не кочевые племена на их службе, а дворцовая и рабская гвардия, индивидуальные и коллективные наемники, государственная дружина, аристократическая и феодально-рыцарская конница.

Разные виды «элитных подразделений» в принципе являются хотя и вторичными, производными, но достаточно надежными и главное – материально-археологически определяемыми показателями разных форм государственности. Исключения (впрочем, не абсолютные) составляют два крайних полюса на шкале классификации форм государственности: полисы и классические чиновничье-бюрократические государства. Для обоих последних случаев присуще всеобщее вооружение народа либо в качестве гражданской обязанности и права, либо как разновидность трудовой повинности, налога перед государством. Но и для них характерны небольшие полицейские или парадно-гвардейские отряды из рабов либо, наоборот, аристократии.

Прямой противоположностью государствам, в структуру которых (не только военную, но и административную) входили особые воинские подразделения, являются военизированные государства (*military government*) переходного этапа (эпохи «варварства» или «военной демократии»). Таковы, например, державы инков и зулусов с всеобщей военизацией «своих» и унификацией всех слоев общества перед лицом правителя как принципа и цели. Для них характерны особые типы поселений, выделяемых по половозрастному принципу, мужские военные лагеря – краали. Это же можно отнести и к Риму, где преторианцы – относительно позднее, отнюдь не республиканское явление, отчасти к Швеции и Норвегии, где главную роль даже в XII в. играло народное морское ополчение («ледунг»), а не малочисленные королевские дружины. Скорее исключением, чем правилом, были постоянные элитные формирования (фанатики-«смертники» не в счет) на ранних стадиях государств как религиозных общин, где войско комплектовалось по принципу общинной, а то и родовой солидарности и долга перед богами.

Каждый из видов элитных формирований контаминирован с конкретными формами государственности и к ним приводимыми механизмами. Так, рабская гвардия (или отряды из пленных) характерна для чиновничье-бюрократических государств, иногда с элементами религиозно-общинной и феодально-иерархической государственности (Византия, Турция, Россия). Индивидуальные наемники – также для них, либо для феодально-иерархических государств абсолютистской стадии. Военно-корпоративные организации, часто выступающие коллективными наемниками, присущи эпохе «варварства» и входят в механизмы формирования и некоторых зрелых ранних государств (корпоративно-эксплуататорских типа Тевтонского ордена). В последнем случае «элитное» (рыцарское в данном случае) формирование перестает являться таковым, так как становится (наряду с наемниками) единственной вооруженной силой. Являются они и составной частью верхнего уровня власти «двухуровневых» государств. Наемники обоих типов составляли основу войска торговых и сложных городов-государств, но здесь они были устранены от выполнения управленческих функций. Отметим, что, кроме собственно «дружинных» (переходного и раннего этапов) государств, дружины играют существенную роль и в некоторых «двухуровневых», корпоративно-эксплуататорских и сложносоставных организациях, но только наряду с другими институтами и средствами институционализации власти.

Аристократическая конница, колесничие, тяжелая пехота являлись ударной силой и главным инструментом внутреннего насилия в земледельческих городах-государствах.

Полисы и государства как религиозные общины, в которых существовало всеобщее вооружение народа (граждан), социально выделенных элитных подразделений – во всяком случае, археологически идентифицируемых – не имели. Исключение составляли парадно-представительские отряды или подразделения из рабов с полицейскими функциями. Аналогично складывается ситуация и с корпоративно-эксплуататорскими государствами, где весь правящий слой – воины.

Использование именно этих элементов государственности в качестве индикаторов ее формы и уровня перспективно и обладает наибольшими (по сравнению с другими частями политической организации и культуры) возможностями формализации и «материализации» данных.

Так, каждый из видов можно описать в общем одинаковым набором признаков, у которых будут различаться не столько значение, сколько удельный вес. Значимо, что и сам набор характеристических элементов почти совпадает с комплексом аспектов описания государственности в целом:

- источники (этнические и социальные) комплектования;
- принцип комплектования и форма содержания;
- участие в экономике, наличие посторонних (частноправовых) источников дохода;
- соотношение военных и управленческих функций, их характер и материальное отражение;
- место и роль в структуре вооруженных сил и административного аппарата;
- отношения с предводителем, правителем; соотношение с понятием «источник власти»;
- социально-значимые цели и морально-психологические мотивы службы;
- степень и характер генеалогической, социально-имущественной, рангово-политической, ритуально-знаковой отграниченности от «общества». Отражение этого в типах жилищ и поселений, эмблематике, погребальном обряде и инвентаре;
- степень и принципы («горизонтальной» и «вертикальной») внутренней дифференциации, ее отражение в материальных проявлениях разных отраслей культуры и быта.

С точки зрения потестарно-политического процесса, «ролевого» (по степени и характеру причастности к власти и управлению) ранжирования и социально-имущественного стратифицирования общества можно выделить семь видов «элитных формирований» и отчасти военной организации государства в целом.

Тип 1. Дворцовая гвардия, комплектуемая по признаку военных заслуг, благородства происхождения, иногда – родства или близости с правящим домом. Главная форма «оплаты» – престиж. Варианты: особые «гвардейские ордены» у ацтеков, в Бенине – «орлы», «леопарды». На Среднем Востоке (Иран) и в Византии, политические системы которых обнаруживают безусловное типологическое сходство и, возможно, генетическое родство, это отряды знатной молодежи («бессмертные»). Особый случай – женская гвардия, гарем правителя Дагомеи: последняя, однако, имеет типологическое сходство с «рабской гвардией».

Тип 2. «Рабская гвардия» – иногда главный инструмент перехода от «сложных вожеств» к ранним и зрелым «восточным деспотиям» – должна подчеркнуто отличаться от остального населения и войск. Доказательства: негры-«гулямы» на мусульманском Востоке, мамлюки в средневековом Египте, янычары в Турции. Как вариант, это использование военнопленных одной страны против другой: армяне и болгары в Византии, иногда – татары, поляки, «литовцы» и турки в России. Впрочем, в этом случае это, скорее, не элитные подразделения, а «штрафные», то есть ударные в военном, но дискриминированные в социально-политическом смысле. Цель службы – сохранение жизни, желание избежать тягот рабского труда, а затем и улучшить свой социальный статус (вплоть до захвата власти мамлюками в Египте). Здесь характерна изначальная, зачастую искусственно организуемая разноэтничность, заменяемая и компенсируемая корпоративным единством, также инициируемым властью на базе определен-

ной причастности к последней. Статус «рабской гвардии» в обществе не позволяет представителям последней заниматься экономической деятельностью и иметь отдельный от государственного содержания доход.

Тип 3. Наемники, рекрутируемые в индивидуальном порядке в особые, постоянно существующие в столицах, прежде всего иностранные полки, близки предыдущему виду по характеру комплектования, но принципиально отличны по его источникам и изначальному статусу контингента. Другими были и цели, преследуемые при поступлении в иностранную гвардию: чисто экономические, отчасти карьерно-престижные. Для «работодателей» обоих типов гвардий цели были абсолютно одинаковые: получить независимую от «своего» общества и лично им (или занимаемому ими посту) преданную военную силу для использования ее во внутренних конфликтах с «обществом» или иными фракциями правящего слоя. Полки эти чаще состояли из одной или группы близкородственных национальностей (скандинавских, например). Занятия хозяйством были не противопоказаны, но затруднены на месте службы (прежде всего постоянной занятостью последней и отсутствием связей в местном обществе). В то же время хозяйство может иметься на постоянной родине, и именно в него вкладываются полученные путем жалования и военной добычи средства (варяги в Византии и на Руси, швейцарцы во Франции, генуэзцы в Англии и Франции и т. д.). Особый социальный слой составляют постоянно проживающие в стране иностранные наемники, обладающие наследственным статусом («алларисийа» у хазар) (Минорский, 1963), сохранение и улучшение которого, а не собственно денежное жалование является главной целью службы. В некоторых случаях подобные наемники получают не только доступ, но и регулярное представительство в органах власти («везир»-мусульманин у хазар). Они имеют внутреннее самоуправление и собственное право, чем отчасти напоминают федератов Рима и «своих поганых» Древней Руси.

Тип 4. Независимые корпоративно-профессиональные военные организации могут или находиться как целое на службе у государей и республик, либо образовывать свои государства-общины (казацьи «войска», Сечь, владения «морских конунгов», Йомсборг, пиратские «республики»). Нередки были и случаи захвата власти в сложившихся государствах (кондотьеры в Италии, Спартак на Боспоре, викингские «королевства» и «герцогства»). Путем завоевания образовывались кастовые или корпоративно-эксплуататорские государства, иногда перераставшие в феодально-иерархические (владения духовнорыцарских орденов в Прибалтике, некоторые викингские «королевства», Руанда, Бурунди, отчасти раджпутские княжества в Индии). В последнем случае военно-корпоративные организации имеют не только «допуск» к власти, но и монопольное на нее право, сохраняя при этом внутреннюю «общинность», корпоративность и демократизм, реципрокность взаимоотношений. Вырабатываются особые наднациональные, профессионально подчеркиваемые черты быта, культуры (в том числе материальной), менталитета, а зачастую (но далеко не всегда и не обязательно) и общность религии, ритуалов, атрибутов. Экономическая деятельность не только не противопоказана членам подобных корпораций, но даже им внутренне присуща, так как последние являются во многом самодостаточными (или эксплуататорскими) организациями. Своеобразной разновидностью подобных цельных, но иногда «невостребованных» организаций являлись дружины князей-изгоев на Руси, для которых овладение каким-либо «столом» (волостью) имело в первую очередь экономическое значение.

Тип 5. Классическая дружина – аппарат управления некоторых форм государственности «переходного» и «раннего» этапов – занимает по многим параметрам промежуточное место между первым и четвертым типами «элитных» подразделений, наиболее напоминая некоторые конкретные случаи третьего типа, но при большем участии в управлении и «патриотизме». От «чистых» наемников дружина отличается не только формой оплаты (не столько денежное жалование, сколько прямое участие в доходах государства путем пиров, получения оружия и одежды из складов и арсеналов, «кормлений» при сборе дани, обслуживание «слу-

жебной организацией»), но и целями службы. Они могут быть не только психологическими (престиж, близость к правителю, резкий отрыв от «низов», к которым многие дружинники первоначально принадлежали) или карьерно-политическими (участие во власти), но и экономическими (близость к главному источнику доходов – даням), однако реализуемыми в своем государстве, а не за его рубежами. От дворцовой гвардии дружину отличает свобода, принципиальная возможность отъехать к иному предводителю, не считаясь изменником. Свободны дружинники и в плане предпринимательства, что отразилось и в постепенном вкладывании ими денег в землю: приобретении последней на частном праве (не считая «западный» путь условного землевладения, иницируемый государством). Этот фактор сближает дружинников с представителями четвертого (военно-корпоративного) типа элитных подразделений. Дружина также приближается к некоторым из последних типов по степени обладания монополией на власть. Отличие состоит лишь в том, что в независимых военных организациях источником власти была она как целое, а не ее вождь, а в дружине – все же государь, принимавший ее членов к себе на службу в индивидуальном порядке. Это не отменяло, впрочем, реальной реципрокности в отношениях князя и дружины, которая по инерции расценивала его как «первого среди равных» и ждала от него щедрых даров. Правитель же со временем любым способом стремился доказать свою «особость» – отсюда и возникновение в конце дружинных периодов генеалогических легенд (Чехия, Польша, Русь, Скандинавия), канонизация Церковью, как особой силой, основателей или наиболее видных представителей династий. Внутренняя дифференциация дружины имела материальное, иногда и атрибутивное выражение, но была второстепенной по сравнению с гранью, в том числе материально-ритуально выраженной, между дружиной и «обществом».

Польская дружина отчасти обладала «аристократизмом» и явилась переходным мостиком между военной аристократией переходного этапа и рыцарством феодально-иерархической, зрелой государственности.

Тип 6. Военная аристократия, вычленяемая по родовому, имущественному и социальному принципам, характерна для этапов как «вождеств», так и «ранних государств» (формы кастовых и земледельческих городов-государств и мегаобщин), но особенно для промежуточного между ними переходного этапа. В редких случаях (динаты Византии и Армении) она существует и в «зрелых» государствах чиновничье-бюрократической формы. Возникает этот тип как составная часть процесса возрастного разделения труда и межродовой специализации. Сопровождается он полной или частичной (при геронто- или теократии) монополией на власть, но иногда и искусственной устранимостью от нее (нобили у пруссов) и преимущественным доступом либо к частновладельческим источникам дохода (земля с рабами, зависимыми общинниками – «низами» его же рода либо земледельческими родами, пленными и т. д.), либо к общественным фондам. Имеет четкие внешние и статусно-ранговые отличия (тяжелая конница у йоруба, македонцев, раджпутов и в Византии, колесничии в Шумере, у хеттов, ахейцев и кельтов, возможно, в чжоуском Китае и т. д.). При условии наличия погребального обряда, адекватно отражающего в загробном мире жизненные реалии и статус умершего, эти различия четко проявляются в материально-ритуальной сфере (хотя нивелирующие обряд мировые религии затрудняют эту идентификацию). В некоторых случаях (микенские дворцовые комплексы-крепости) поселения военной аристократии выделяются топографически.

Тип 7. Рыцарство. Строго военно-специализированным (только тяжелая конница) и юридически сословно-отграниченным элитным подразделением этапа исключительно зрелой государственности является рыцарство феодально-иерархических государств. Отдельные черты, присущие этому сословию (судебный иммунитет, «кодекс чести», геральдика как внешне-сущностное отличие, вассалитет и иерархия, кормление за счет земельных владений,

но не вотчин²⁸, сословная замкнутость, принцип верности сюзерену) имеются и в некоторых конкретных моделях иных форм зрелой государственности, особенно в переходных от чиновничье-бюрократической, религиозно-общинной и кастовой к феодально-иерархической (Япония, Византия, Сербия, Передняя Азия, Закавказье, Россия, мусульманская Индия, Непал, малайско-индонезийский – по А. Тюрину – тип феодализма Юго-Восточной Азии). В комплексе же все эти и некоторые иные черты «рыцарства» встречаются только в странах классической феодально-иерархической государственности, жестко отграниченной рамками лишь некоторых стран Западной и Центральной Европы. Как и в случае с дружиной, в рыцарстве совпадает военная, социально-экономическая и политическая элита, что находит концентрированное материальное выражение в типах поселений – замках, а также гербах и надмогильных сооружениях (сам обряд и инвентарь, благодаря христианству, не имел отличий от захоронений рядовых прихожан). Наиболее показательным в изобразительных источниках является сочетание военных атрибутов (шлемы, щиты) с эмблемами, показывающими право на власть (ранг), благородство происхождения, земельную собственность, и конкретными властными регалиями разных степеней (короны, скипетры, штандарты, троны).

Самое методически существенное для сравнения феодальных и дружинных государств – определение отличия рыцарства от дружины. «Соединение особого образа жизни и профессионализма с этической миссией и социальной программой» (Кардин, 1987) – вот рыцарь «в идеале». Основная социально-психологическая и организационная особенность рыцарства, например юридически лимитированная верность конкретному по титулу сюзерену (посту), закреплённая личной присягой и ритуалом определенному человеку, представителю рода, этим постом и титулом наследственно владеющему с санкции вышестоящего сюзерена. Это также взаимные обязательства сюзерена и вассала и экономическая самостоятельность последнего. В военном аспекте даже в эпоху расцвета (XII–XIII вв.) рыцарство не могло полностью обходиться без пехоты, особенно лучников и арбалетчиков, ибо шевалье были слишком высоко специализированы (в отличие от самураев, русских дружинников, поместной конницы раджпуты и византийских кавалариев)²⁹. Легкую пехоту при них составляли либо крестьяне-ополченцы (Испания, Англия, Скандинавия), либо иностранные наемники (генуэзские арбалетчики во Франции) и ландскнехты-«слуги» (Германия). В случае необходимости тяжелую пехоту составляли спешенные рыцари, действовавшие при этом достаточно неуклюже.

Сравним некоторые виды «элитных формирований» в организационно-правовом и социально-экономическом аспектах.

Наемники были верны (в рамках контракта) прежде всего посту, а дружинники и рабская («родовая») гвардия – личности, которой «юридически» принадлежали. В этом типе контингентов корпоративный дух был еще более развит, чем у рыцарей. Дружина все же ближе стоит к «рыцарскому корпусу», так как правитель одновременно является ее членом, хотя и «первым среди равных». Наемники образуют либо готовые отряды, преданные прежде всего предводителю из своих (генуэзские арбалетчики, кондотьеры, греческие гоплиты – у персов, варяжские отряды на Руси), либо, если они набираются индивидуально (швейцарцы и шотландцы во Франции, варяжская гвардия в Византии), то, как правило, подчиняются также наемнику, а затем уже правителю. Еще одна специфика наемников – они не имели никакого отношения к функциям управления, за исключением (иногда) полицейских обязанностей. Это отличает их и от рыцарства, и от дружины, являвшихся не только военными, но и прежде всего адми-

²⁸ Именно это отличие наемных военно-корпоративных организаций во главе с князем от слоя, обладавшего землей и властью, вероятно, понимало новгородское правительство, когда запрещало князьям и их боярам иметь владения на территории республики на частном праве.

²⁹ А также рабской гвардии (мамлюки), конников-аристократов (типа иранцев, парфян, монголов, Македонии, йоруба), поместной конницы, наемников-кондотьеров и т. д., то есть видов войск, также обладавших разной степенью корпоративного сознания.

нистративными инструментами. ГСоследнее может относиться и к максимально «демократическим», типа рабской гвардии, и к аристократическим, прежде всего конным, контингентам войск. ГСоследние вообще в одном лице совмещали и лучшую военную силу, и господствующий класс, и политическую власть, и часть аппарата управления (особенно раджпуты в Индии). В этом случае правитель выступал как марионетка, заложник реально властвующих аристократических родов, все же нуждавшихся в нем как символе для народа и в силу соперничества отдельных родов. Рабская гвардия – главный военный инструмент перехода от раннего государства некоторых форм (возникших на базе равноправных союзов племен либо земледельческих протогородов-государств) к зрелой чиновничье-бюрократической государственности. Иногда она и непосредственно приходит к власти, устанавливая военно-корпоративную диктатуру (мамлюки). Совмещением «рабского» и «родственного» принципов явилась «гвардия» «короля» Дагомеи, составлявшая часть его фиктивного рода (в него зачислялись рабы-военнопленные) и «расширенный» гарем. Без «элитных» подразделений обошелся Чака, превратив весь «свой» народ («политических зулусов») в размещенное по «полкам» и краалям войско, дрожащее перед «королем», заинтересованное в ограблении иных народов, престиже, славе, упоении победой: каждый «полк» гордился символами этих побед, своей атрибутикой, «формой» (шкура леопарда и т. д.), даже цветом щитов. Другое дело, что ничто не мешало части «полковых командиров» отделиться и образовать свое «государство» (что и происходило при поражениях зулусских правителей). Развитие Зулусского «государства» было искусственно прервано англичанами, но типологически схожий на синхростадиальном этапе политогенез свази привел, при действии аналогичных военных инструментов и механизмов, не к феодально-иерархической, а к чиновничье-бюрократической (правда, ранней фазы) форме государственности. В Свазиленде воины этих «цветных полков» были превращены в государственных крепостных, как смерды на Руси (Куббель, 1988).

Внешне запутанная, склонная к дезинтеграции «рыцарская система» была все же довольно устойчива в силу возможностей воспроизводства и автономного существования в течение некоторого времени отдельных ее ячеек, спаянных не только правовыми отношениями, но и кодексом рыцарской чести и долга, далеко не всегда являвшихся пустым звуком. Даже в дружинах, чаще всего являвшихся предшественниками рыцарства, «честь» не котиновалась. Ее заменяла выгода, совместная с вождем-правителем заинтересованность в эксплуатации и грабеже, стремление не столько к славе (хотя ценились и «престижные» награды), сколько к обогащению. О том, какое значение имеет концентрация богатств в руках предводителя дружин, князя или конунга, имеется несколько свидетельств. У скандинавов «серебро и золото, спрятанное в земле, навсегда оставались в распоряжении владельца и его рода, воплощая в себе их удачу и счастье, личное и семейное благополучие». «Один повелел, чтобы каждый воин, павший в битве, являлся к нему в Вальхаллу вместе с богатством, которое находилось при нем на погребальном костре или было спрятано в земле» (Гуревич, 1968).

Отсюда – «безумная жажда богатств и подарков и безумное расточительство». Однако дар обязательно предполагает либо отдаривание, либо «автоматически ставит в зависимость». В связи с этим предводители дружин, самостоятельные государи или те, кто претендовал на это положение, «предпочитали захватить или купить, но не получать в дар». Подобная система отношений в дружине восходит к потлачу как одному из типов механизмов первоначальной институционализации власти, а именно плутократических. Более же ранние (племенные) дружины чаще возникали в результате действия возрастных и родовых механизмов становления властвования. Даже там, где «дружинного государства» в чистом виде не было (в Дунайской Болгарии), на раннем этапе сохранялась подобная «этика» в отношениях государя и его воинов. Хан Тервель, как сказано в словаре Суды, «положил, перевернув, свой щит... и „поставил на него“ свой кнут... и сыпал деньги, пока они не скроют и щит, и кнут. Он поставил свое копье на землю и до верха его и в большом количестве навалили шелковые одежды. Наполнив сун-

дуки золотыми и серебряными монетами, он раздавал их воинам, разбрасывая правой рукой золото, а левой – серебро» (Койчева, 1987).

Речь шла пока о языческих государях и представлениях. Но вот известная цитата «Повести временных лет» о взаимоотношениях христианина Владимира Святославовича и его христианской дружины (событие датировано 996 г.). Дружина сказала князю: «Зазорно нам есть деревянными ложками, а не серебряными. И, услышав это, Владимир повелел выковать серебряные ложки, говоря, что серебром и золотом я не добуду себе дружины, а с помощью дружины получу и то и другое» (ПСРЛ. Т. 2. 1962).

В этом эпизоде, при всей его возможной «эпичности» или литературности (пиры Соломона), наглядно отразилось отличие дружинной психологии от наемнической: для первых важно было не богатство само по себе, а как показатель положения, чести, оказываемой князем дружине. Вождь (князь, конунг, даже король) зависел от дружины и должен был доказывать свое реальное превосходство и проявлять щедрость, сюзерен же, каков бы он ни был, был дан Богом и королем.

Дружина в Европе – продукт переходного периода от вожеств к раннему государству и инструмент формирования последнего, рыцарство же – продукт феодально-иерархической государственности. Для первого («варварского») периода характерно относительное развитие товарного хозяйства и стремление к обогащению как следствие, для второй – натурализация хозяйства и ее последствия: стремление к социальному престижу, титулам и стоящим за ними земельным владениям.

Другой слой – промежуточный между византийскими пограничными военными поселениями («акритами») и рыцарями – появился при специфических механизмах другого переходного периода (от ранней к феодально-иерархической государственности). Это слой военных поселенцев мазовецко-прусского пограничья, занимавшихся крестьянским трудом. Тем не менее эти поселенцы считались «шляхтой» и пользовались рыцарскими правами: иметь герб, не платить налогов, вести войны между собой, участвовать в управлении (как при созывах рыцарского «веча – высшего судебного и земельного органа для своего сословия, так и в составе княжеских органов власти», см.: Руссоцкий, 1974). В этом примере наглядно выступает на первый план не военная и социально-экономическая, а морально-психологическая и политико-правовая природа рыцарства. Аристократический «гонор» наиболее явно проступал как раз у весьма «демократических» по реальному положению слоев населения, что сближает их в этом с неимущими самураями-ронинами (правда, для последних нищенство и наемничество были все же почетнее труда земледельцев). Возможно, сыграло свою роль недемократическое происхождение польской «большой дружины» – основного источника рыцарства («можновладства») – и четкое осознание ими этого факта.

В России же только при зарождении чиновничье-бюрократических тенденций развития практически вернулись к «рыцарскому» опыту Византии – помещики-прониары («воинники» по Ивану Пересветову) и переход от стратиотского ополчения к полунаемникам: стрельцы, пушкари, городовые казаки пограничья (типа акритов). Кстати, и «вольное» казачество Запорожья и Дона также представляет собой еще один из образцов военно-политической организации корпоративно-орденского облика, в чем-то в то же время напоминая федератов Рима и Византии. Впрочем, казаки имели предшественников и в отечественной истории. Это были, однако, не традиционно считаемые за главных их «предков» бродники, не имевшие, судя по всему, политической организации и четкой системы отношений с Русью. Казачьи «войска» с их стройной системой, регалиями войсковых чинов разного ранга, единым корпоративным духом и территорией более напоминают не бродников, а районы расселения «своих поганых». Последние, кстати, в отличие от Рима и Византии (но как и казаки), использовались не только для обороны границ, но и для решения внутренних конфликтов (осада Чернигова в 1138 г. Ярополком Владимировичем, сражения под Карачевом в 1147 г. и Белгородом в 1159 г.).

Участвовали иногда, впрочем, во внутренних войнах и бродники (Лиственская битва 1216 г.). Даже не касаясь военных поселений античности, европейского и азиатского Средневековья, современного Израиля и т. д., можно отметить мимитас (особо доверенные племена, переселяемые инками на завоеванные территории, где они наделялись землей и пользовались привилегиями, см.: Зубрицкий, 1975), итоналли – земли, изъятые у местных, чаще пограничных, племен для содержания ацтекских гарнизонов. Характерно выполнение военными поселенцами функций контроля за местным населением: воины-крестьяне являлись представителями центральной власти. По своим поздним военно-полицейским функциям казачество напоминает особые привилегированные группы кочевников на службе восточных государств. Отличие лишь в источниках существования и экономических льготах (кочевники не только не платили налогов, как и казаки, но и получали часть налогов с сельскохозяйственных общин, пропорционально распределяя его внутри племени, см.: Ашрафян, 1966).

Основной ударной силой и одним из главных институтов управления Киевской Руси, безусловно, являлась дружина.

Дружины существовали не только в «дружинных государствах». При этом мы имеем в виду не временные племенные дружины, а постоянные отряды воинов-профессионалов при правителях прото– и «ранних» государств, не наемников, но и не рыцарей-землевладельцев на ленном праве. К «комитатам» (как он называет дружину) Ф. Кардини относит «франкских *trustis*, лангобардских *gesinde*, англосаксонских *theod*», русскую «дружину», так же как и «готских *saiones*, *antmstio* или *gasindes*» (Кардини, 1987). Однако в зоне романо-германского синтеза всеобщее вооружение народа в условиях завоевания как пути государствообразования и господства германцев над местным населением сохраняется вплоть до падения этих государств либо (у франков) до замены народного ополчения феодально-рыцарским. Те небольшие дружины, что существовали, содержались не в силу предоставления им части дани или налога с определенной территории (градского округа), как в Центральной и Восточной, частично Северной Европе, а путем земельных пожалований. Данный способ обеспечения военной аристократии был экономичнее для казны, но делал ее более независимой от короля и практически лишал дружинного статуса. И наконец, но не в последнюю очередь: «дружина» в странах синтеза никогда не выполняла исключительно фискально-административные функции, так как для этого мог использоваться римский аппарат управления, сохранившийся на местах, органы родоплеменного самоуправления германцев, опирающиеся на вооруженную силу народа, а несколько позднее (с ослаблением или исчезновением тех и других) – двор короля, его должностных лиц (графов) и церковную организацию.

«Главным фактором возникновения „варварских королевств“ Западной Европы являлось «образование стратифицированного общества путем завоевания» (Корсунский, 1984). В этом аспекте данная линия государствообразования более напоминает двухуровневую Болгарию и некоторые корпоративно-эксплуататорские государства, но не более этнотерриториально близкие Чехию, Польшу, Скандинавию и даже Германию. А.Р. Корсунский считает присущими западноевропейским дружинам эпохи «варварских королевств» следующие специфические черты: 1) наделение дружинников землей;

2) охрана их жизни и достоинства повышенным вергельдом;

3) легальное существование дружин частных лиц.

Один из элементов (третий) более всего восходит к Доминату Рима (вооруженные клиенты, букцеллярии), частично – к германской эпохе варварства (дружины хевдингов) (Гуревич, 1977), другой вырастает из германского обычного права, третий (но не первый по списку) – явление абсолютно новое.

В классических «дружинных государствах» первый и третий элементы отсутствуют, а второй не является обязательным и ведущим. Формально-юридически ни в Чехии, ни в Польше, ни даже в Венгрии и Руси рубежа X–XI вв. жизнь дружинника не оценивалась выше

жизни простого свободного (рабы не в счет). В Правде Ярослава и та и другая защищалась одинаковой вирой – в 40 гривен (Материалы по истории СССР, 1987. С. 11). Фактически же здесь дружинники, равно как и их предводители, являлись для простых людей лицами вообще неприкосновенными, и их убийство каралось смертью, так как в центральноевропейской модели ранней государственности судебная власть очень рано стала исключительной привилегией верховных правителей, а также назначенных ими лиц из числа дружинников или управителей имений князя. Главный водораздел здесь проходил между дружиной («внутри» которой был князь) и остальным обществом, иногда с промежуточным слоем. В этом аспекте Русь выбивается из ряда классических «дружинных государств». Здесь именно государство в лице Ярослава Мудрого впервые кодифицирует обычное право славян и «закон русский», дополняя их статьями, регулируемыми отношения внутри дружины и охраняющими ее имущество – оружие, одежду, коней. Правда Ярослава не носила всеобъемлющего характера, что отличает ее от кодифицированных сборников обычного права германских народов, но все же сам факт государственного закрепления его норм сближает Русь с последними, особенно синхростадиальной, даже значительно отстающей в политическом плане Скандинавией и несколько опережающей Англией. В самом развитом англосаксонском королевстве Кент, где впервые в начале VII в. было записано обычное право, сам король – «еще частное лицо, хотя его жизнь и имущество ценятся выше». В наиболее же патриархальной, подвергшейся воздействию датского права Нортумбрии в X в. даже короля можно было убить, заплатив затем (родственникам и народу поровну) вергельд, лишь вдвое превышающий плату за жизнь эделинга. О том, что король в данное время рассматривается как частное лицо и не только субъект, но и объект права, говорит отсутствие характерных уже для раннего феодализма понятий «государственной измены» и «оскорбления величества». Русские князья, изначально обладавшие судебной властью, в некоторых случаях (например, статьи об изгойстве «Церковного устава Всеволода») в глазах закона ставятся на одну доску (становятся изгоями по разным причинам) не только с купцом и «поповым сыном», но даже и выкупленным холопом (Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. 1976. С. 139).

В странах же романо-германского синтеза таких водоразделов – как вертикальных (социально-политических), так и горизонтальных (этнических и даже религиозных) – существовало несколько, и они образовывали сложную сетку. Регулировать отношения в таком сложном, разноукладном обществе возможно было только с параллельным применением норм римского и обычного германского права, дополняемым корректирующими их с изменившимися реалиями эдиктами королей.

Но главное, принципиальное отличие положения дружины в «дружинных государствах» преимущественно Центральной Европы от ее статуса в «варварских королевствах» зоны романо-германского синтеза все же не в этом. В первой форме государственности дружина практически исчерпывает весь не только экономически господствующий, но и политически правящий слой общества, когда родовая знать уже уничтожена, а землевладельческая еще не народилась (или не создана искусственно).

4. Механизмы государствогенеза и их применение к процессу образования Древнерусского государства

А) Общая классификация механизмов

Город-государство – особая форма государственности, характерная практически для всех типов социально-экономического развития и этапов государствогенеза, от «вожеств» до зрелых государств капиталистического типа.

Независимо от этнической, культурно-религиозной, «формационной» (рабовладельческой, феодальной и т. д.) и «цивилизационной» основы, все города-государства обладают схожими, а иногда и идентичными чертами территориально-политического и общественного устройства, типом идеологии (точнее, несколькими устойчивыми его вариантами). С другой стороны, территориально-политическая форма городов-государств и их объединений предполагает – с учетом регионально-экономической специфики, правового и социального статуса граждан, особенностей и последовательности формирования города и государства – определенное внутреннее подразделение городов-государств. В качестве рабочей гипотезы можно предложить их земледельческую и торговую формы, а также город-государство как гражданскую общину – полис, коммуна. В реальности также существовали равноправные и иерархические союзы городов-государств, город-государство – столица территориального образования, город-государство – суборганизм другого, более крупного государства другой формы. Оба вида классификаций взаимосвязаны, хотя далеко не всегда на функциональном уровне.

В славянском мире выделяются три зоны городов-государств: Южная Прибалтика, Далмация и Северо-Запад Восточной Европы. Все они существовали в период раннего и развитого Средневековья, и лишь один Дубровник доживет до Нового времени. В территориально-цивилизационном плане они либо входят в Североевропейскую зону (так называемое «Балтийское культурно-экономическое сообщество», наследником которого отчасти стал Ганзейский союз), либо (как Далмация) находятся на стыке классически-феодальной и византийско-османской зон. В формально-типологическом плане первые относятся к торгово-земледельческому варианту, и лишь некоторые (Ральсвик на Руяне, Волин) к чистым «викам» скандинавского типа; вторые ближе к классическим средневековым «коммунам» итальянского образца. В территориально-административном плане часть из них входит в состав государств иной формы (балтийские города «Вендской» державы ободритов, Лютичской теократической конфедерации, княжества руян, позднее – Германии и Дании; Сплит, Трогир, Задар, Шибеник – в состав Венеции и Венгрии). Некоторое время независимым государством с подчиненным ему небольшим контадо (хорой) является Дубровник (Рагуза), вошедший затем на правах автономии в состав Османской Порты. Равноправную федерацию, осложненную входящей в ее политическую структуру княжеской властью, образовали славяно-поморские города во главе с Волином, затем с Щецином.

Псков, Новгород (до него – Ладога) и Полоцк, пройдя через горнило древнерусской государственности, получили или полный суверенитет (формальную зависимость от Золотой Орды через посредство великих князей владимирских, реально – Москвы, вряд ли стоит принимать в расчет), или значительную автономию в рамках Великого княжества Литовского (Полоцк). В территориально-политическом плане Псков являлся городом-государством, столицей территориального образования, а Новгород как государство был еще более сложным образованием. В нем, кроме полноправного «города-государства» и его сельского «контадо» – пятин, были и «пригороды» – города юридически «второго плана», со своими органами управления и сельскими округами, а также и северные «колонии». Структурно-формализаторский подход к анализу «новгородского феномена», таким образом, отчасти помогает преодолеть тупик в его классификации, отнеся к «сложному», или «иерархическому», городу-государству.

Источники по времени возникновения, социально-политической структуре, направленности культурно-экономических и религиозно-политических связей городов-государств весьма неравноценны для разных регионов славянской средневековой ойкумены. Планировка, архитектура, топография окрестностей сохранились почти в первозданном виде для городов Далмации, особенно Дубровника. Для этого же региона многочисленны и разнообразны правовые, исторические и нарративные документы, имеются описания иностранных путешественников и историков, начиная с Константина Багрянородного, памятники эпиграфики. Южно-балтийский регион, в силу отсутствия у балто-полабских славян собственной письменной традиции, получил освещение разной степени информативности, достоверности, тенденциозности и общего характера в немецких, скандинавских и польских источниках. Данные археологии и топографии также ограничены в связи с многочисленными перестройками «живых» до сих пор, но уже германских, а не славянских городов. Третий регион – Северо-Запад Восточной Европы, или «Аустверг» («Восточный путь»), «Аустрленд» («Восточные земли»), «Аустрики» («Восточное государство») по скандинавской терминологии, освещен прежде всего сагами, русскими и иностранными летописями и хрониками, юридическими документами (от Правды Ярослава до Новгородской и Псковской Судных грамот), договорами городов-государств с князьями, иностранными правителями, городами и купеческими объединениями, донесениями иностранных представителей, памятниками архитектуры, археологии, эпиграфики, сфрагистики, топонимики, топографии и градостроительства.

Анализ источников позволяет сделать вывод, что города– (или хотя бы протогорода–) государства (в некоторых случаях, прото– или субгосударства) возникают лишь на этнических окраинах славянского мира. Их политические формы, внешний и внутренний правовой статус сильно различаются и зависят в первую очередь от внешнеполитической ситуации, конкретных обстоятельств (путей) возникновения и длительности внешних влияний. Однако главное условие их возникновения на еще «варварской» стадии (этапе «сложных вожеств») развития славянских обществ связано с «досрочной» концентрацией богатств, явившихся материальной базой их становления и развития. Эти «богатства» (избыточный продукт) не могли быть еще извлечены (как в «дружинных государствах» типа Чехии и Польши) из своего народа как по экономическим, так и по идеологическим причинам. В итоге они возникали или на границе разных культурно-исторических типов, например византийско-православного (позднее исламского) и феодально-католического; каролингско-континентального, центральноевропейско-дружинного и балтийско-скандинавского североевропейского; «балтийско»-скандинавского и славяно-финского. Второе условие – это расположение на трансъевропейских морских и речных путях или местах их выхода к границам крупных континентальных держав (империи Каролингов и ее «наследников», Византийской и Османской империй, Древнерусского государства).

Некоторые из протогородов-государств или городов-субгосударств превращаются в подлинные города-государства, подчиняют себе сельскохозяйственные промысловые территории и доживают до позднего Средневековья (Новгород, Псков) либо даже до Нового времени (Дубровник), другие же сходят с дистанции, меняя свой этнический и социальный облик, теряя суверенитет. Под эгидой Антанты и на короткое время возрождается «независимость» таких городов-государств, как славяно-немецкий Данциг (Гданьск) или славяно-итальянский Триест.

Внутри славянского мира присутствуют, хотя и не всегда в «чистом» виде, все четыре формы городов-государств: «земледельческий», торговый, полис-коммуна, «сложный» город-государство – глава иерархического союза городов или столица территориально-«колониального» образования. При этом первая и последняя формы характерны не только для Древнего мира и Средневековья (или «азиатского способа производства», античности и феодализма), но и предшествующей им эпохи «варварства» или «сложных вожеств» (Центральная и Южная

Америка, Западная Африка, Шумер, Аравия). Относится это и к «викам» Балтийского региона, в том числе славянским.

В этой связи, а также благодаря отсутствию городов-государств в большинстве «ранних» славянских государств (Польше, Чехии, Великой Моравии, Болгарии, Сербии, большей части Хорватии и Древней Руси), вряд ли верным представляется универсализирующая посылка востоковеда Л.С. Васильева, объявившего урбанизацию непременным условием существования (*sine qua non*) всех ранних государств. С другой стороны, нельзя считать города-государства и отражением на социально-политических структурах природно-географической, этнорегиональной и религиозно-культурной специфики. Города-государства существовали во всех религиозных конфессиях, но не на всех ступенях развития, например, греческого этника, как и не во всех регионах средневековой Италии или Нидерландов, да и того же славянского мира. Северный же и южный ареалы славянских городов-государств имеют типологическое сходство не между собой, а с соседними неславянскими регионами – Швецией³⁰ и Италией, относясь в основном к смешанной торговоземледельческой форме на севере и к полифункциональным «коммунам» на юге славянской ойкумены. В то же время их сближает либо большая роль права, чем в подчинивших их или «покровительствовавших» им территориальных государствах, либо отличие этого права от законов этих государств. Существенны также большие, чем в этих зачастую с «деспотическим» правлением государствах, нормы эксплуатации зависимого от гражданской общины более «демократических» городов-государств сельского населения и «колоний» (Новгород, Псков, Дубровник), и наличие рабов даже в эпоху развитого Средневековья.

Неотъемлемой частью процессуально-этапного подхода является понятие (термины могут различаться) «механизмы государствогенеза» или, отражая наиболее существенные его аспекты, «институционализации и легитимизации власти». Следует отметить, что эти понятия связывают данный подход с «горизонтально»-типологическим, так как существует определенная контаминация между механизмами государствогенеза и теми формами государственности, к которым они приводили. Механизмы социо- и политогенеза различаются, хотя в реальности они часто переплетены.

Набор первых в последнее время хорошо разработан А.В. Коротаевым (формально – на примере Сабейского региона). Что касается вторых, то данные о них содержатся в работах, связанных с конкретными путями, территориями и этапам политогенеза. Автор в свое время попытался скомпилировать эти данные для трех этапов политогенеза: формирования вожеств; перехода от простых вожеств к сложным и развития последних; перехода от сложных вожеств к ранним государствам.

Дальнейший этап работы заключается в выявлении тех механизмов, которые были задействованы при переходе от одного этапа к другому, а также при становлении (институционализации) и легитимизации нового уровня или типа организации власти.

Для этого используется как комплексный и компаративный анализ конкретных групп источников по каждому факту или явлению в ходе древнерусского государствогенеза, так и попытка «примерить» те или иные выявленные путем синтеза механизмы к вырисованным по источникам древнерусским реалиям.

Б) Механизмы формирования «вожеств» (первоначальные)

³⁰ Флоря, 1991. С. 197. А через типологическую близость Швеции и даже Византии к Хорватии (Там же. С. 203) последняя имплицитно сближается с Поморьем.

Ранее автор предложил следующие типы механизмов институционализации власти, повлекшие создание его структур уровня «вожеств» разных типов, назвав их «первоначальными», или «традиционными»³¹.

Механизм 1. Через личные качества, способности (путь к меритократии, военной демократии).

Механизм 2. Через родственные связи (путь к аристократии, «мегаобщинам» разных вариантов, кастовому государству, в итоге иногда – к чиновничье-бюрократическому государству).

Механизм 3. Через возрастные классы (путь к геронтократии; «military government», примитивному «феодализму»).

Механизм 4. Через сакрализацию свойств, действий, качеств (путь к теократии, некоторым земледельческим («восточным») протогородам-государствам, затем – чиновничье-бюрократическому государству типа восточной деспотии).

Механизм 5. Через неформальные корпоративные организации (путь к начальной иерархии, в том числе военной, корпоративно-эксплуататорским протогосударствам).

Механизм 6. Через накопление материальных ценностей, со статусом первоначально не связанное (путь к «плутократии-олигархии, торговым протогородам-государствам, особым («меланезийским») типам вожеств).

Механизм 7. Через брачно-семейные отношения (путь к «территориальным царствам», иерархически организованным союзам племен).

Позднее, при переходе от простых вожеств к сложным, добавляются и временно становятся преобладающими внешне-военные механизмы. Они дополняются в течение этого этапа, особенно ближе к его завершающей фазе, механизмами внутренних конфликтов, разрешаемых разными способами. Среди них наиболее перспективный – компромисс, когда путем реформ (что не исключало предварительного подавления проигравшей стороны) создавались властные структуры нового уровня, часто уже раннегосударственного. И наконец, на фазе становления ранних государств (при сохранении большей части традиционных механизмов) появляются регулятивно-правовые и идеологические механизмы. Элементы последних, безусловно, существуют и ранее в составе «сакральных» (через «неформальные организации») и иных механизмов, но как особая система постулируемых и вносимых «сверху» воззрений, направленных на легитимизацию власти, идеологические механизмы появляются лишь на этом этапе государственного генезиса. Частями идеологии становятся религия, философия и искусство.

Но государственная идеология далеко не всегда полностью совпадает с религиозной по форме, содержанию, средствам и целям. Происходят и прямые конфликты их носителей. Появляется гражданская демагогия как вариант воздействия на «общество» со стороны властных структур или правящей иерархии.

Внешне-военные, преимущественно завоевательные механизмы, приводили к созданию корпоративно–(этнически) – эксплуататорских (в том числе кочевнических) и двухуровневых предгосударств (Первое Болгарское царство до реформ Крума, держава Олега и Игоря на Руси, Великое княжество Литовское языческих времен, Хазарский каганат), некоторых типов полисов, к расширению пределов власти торговых и «восточных» городов-государств, а также «восточных деспотий».

Военные механизмы почти исключительно контаминированы с кастовой и феодально-иерархической государственностью.

³¹ Список и примеры действия «начальных», или «традиционных», механизмов институционализации и легитимизации власти даны в гл. 1 докторской диссертации автора (Шинаков, 2000а), а его типология форм государств (отчасти и сложных вожеств) приводится также и в автореферате диссертации (Шинаков, 2000б. С. 12), в более подробном варианте, с пояснениями и примерами к статье (Шинаков, 2003б; 2007; Shinaikov, 2007). В отличие от более ранних вариантов типологии государств, наша типология в большей степени учитывает стадийный аспект и имеет более универсальный характер.

Внутриконфликтные, договорно-компромиссные, правовые, идеологические механизмы не увязаны жестко с той или иной формой государственности (хотя часто используются при создании и дальнейшем укреплении полисов и чиновничье-бюрократических государств).

Излишне говорить, что в исторической и этнологической конкретике, особенно с учетом специфики, степени информативности и тенденциозности Источниковой базы, различные типы механизмов переплетаются, дополняют друг друга или «борются» между собой, зачастую приводя не к тем результатам (формам вожеств, протогосударств и государств), которые указаны выше.

Казалось бы, давно забытые «традиционные» механизмы неожиданно всплывают на новом витке политогенеза, подтверждая тезис «все новое – хорошо забытое старое», а также что «ничто не ново под луной»...

Проблема сочетания множественности, единства и подобия в социо- и политогенезе в последнее время рассматривалась, в частности, и Х.Дж. Классеном. Разнообразные (но не бесконечные, а повторяемые) пути и линии начального политогенеза (в том числе в Европе XX в.), выражающиеся в разных формах догосударственных организмов (а значит, и в механизмах их становления), при определенных условиях приводят также к разнотипным, но обладающим важными общими чертами ранним государствам.

Набор механизмов институционализации и легитимизации власти во всех регионах, на всех путях и этапах государствогенеза достаточно стандартен, ибо зависит в основном от особенностей человеческой психики, этнического менталитета, культурных и религиозных традиций, уровня развития общества, статуса и целей стремящихся к власти. Это лишний раз подтверждает тезис о том, что «сходные политические структуры возникли в различном культурном окружении и независимо» (Классен, 2000. С. 18).

Механизмы институционализации и легитимизации власти (МИЛВ), или государствогенеза, в этой связи могли абсолютно не совпадать с так называемыми «факторами социальной эволюции», связанными с глубинными причинно-следственными явлениями в жизни общества, с теми объективными задачами, которые перед ним в целом стоят в данный момент. Недаром автор этого понятия А.В. Коротаев характеризует его также термином «источники социальной эволюции», насчитывая около десятка их типов. При количественном совпадении «механизмов» и «факторов» лишь один из них, а именно «конфликт интересов», приблизительно совпадает, да и то в сложных и сверхсложных социумах.

Это говорит об абсолютно разной мотивации развития общества (социума) в целом и отдельных личностей или их групп, «страт», стремящихся к власти над ним. Кроме того, «выбор» «механизма» определяется скорее не целью, а средствами, которые в конкретной ситуации являются (или представляются) наиболее доступными и эффективными.

Целью нашей работы не является выявление факторов, явившихся источником, первотолчком древнерусского государствогенеза и определивших социальную (в меньшей степени – политическую) специфику древнерусской государственности на разных этапах ее становления. Эти факторы не получили прямого освещения ни в одной категории источников, а попытки, тем более универсалистско-метафизического плана, выявить их исходя из базовой, вульгарно понимаемой марксистской доктрины лишь завели в тупик советскую историографию Киевской Руси.

Целью исследования является решение более частного вопроса: какие механизмы сознательно или имплицитно использовались иерархией и правящей элитой потестарно-политических образований Восточной Европы для прихода к власти, ее укрепления и расширения политических и территориальных рамок. Применение (впервые – системное) методов политической (социокультурной) антропологии к реалиям источников позволяет компенсировать объективные и субъективные недостатки последних, нарисовать более четкую, пусть и формализованную, но встроенную в мировую социополитическую динамику, картину древнерус-

ского государствогенеза. С другой стороны, применение теории к конкретным материалам может лишний раз проверить степень ее достоверности, дополнить ее и уточнить.

Помимо этого, знание механизмов государствогенеза может «от обратного» помочь уточнить и структуру образовавшегося в результате их действия государства, особенно если она (как в нашем случае) нашла слабое отражение в источниках. Здесь мы целиком согласны с мнением Х.Дж. Классена, что «сходные проблемы, возникающие в разных частях земли, ведут к развитию схожих решений (процессов)» (Claes-sen, 2006. Р. 28). Это означает, что если в каком-то регионе изначальные проблемы, явления и порожденные ими процессы схожи, то схожими будут и их результаты. Зная последние для другой территории, мы можем с определенной долей вероятности перенести их на иную, где результат (в данном случае форма государственного устройства) источниками освещен плохо – но, конечно, при условии явной схожести исходного «толчка» и механизмов государствогенеза.

В) Этап «отдельных вожеств»

Само содержание этапа и типология вожеств в Восточной Европе подробно реконструированы автором ранее (Шинаков, 2000). Остановимся на механизмах. Два из них – **«плутократического»** и **«родового» (генеалогического)** типов – реконструируются для фазы расцвета вожеств. Источником средств для создания первых органов власти, судя по сочетанию данных письменных, археологических и нумизматических источников, было участие в международной торговле по «Восточному пути». Обоснование права на власть – первопоселенчество, древность рода, принадлежность к «земельной» аристократии («лучшим мужам»), то есть механизмы «родового» типа. Влияние внешних сил на процесс местного политогенеза не прослеживается, хотя летопись отмечает, что часть славянских и финно-угорских племен находилась в зависимости от варягов и хазар (Петр из Дуйсбурга, 1996), а некоторые историки предполагают и наличие протектората Великой Моравии (Новосельцев, 1991; Шинаков, 1993а. С. 8; 1993б. С. 180). Отметим, что для южных регионов данных о наличии иерархии – родовой знати – в источниках нет. Скорее всего, и для Юго-Запада (белые хорваты), и Центра (поляне) есть сведения о раннем зарождении правящей – княжеско-дружинной – элиты. Это и сведения арабских авторов (Ибн Русте, ал-Масуди), и включенная в «Повесть временных лет» легенда о Полянкой дани хазарам «мечами» (Петр из Дуйсбурга, 1996). Косвенно это свидетельствует о внешне-военных механизмах, напрямую в источниках не отраженных (о боях с хазарами, кроме косвенных – «дань мечами», и межплеменных столкновениях сведений нет: «жили в мире»). Судя по данным археологии, «военная демократия» и «иерархия» (а значит, и военные механизмы) могли присутствовать в государствогенезе племен Юго-Востока («Хазарской зоны»), в первую очередь – северян.

Завершающую фазу этапа отдельных вожеств и начало перехода к следующему этапу на Севере Руси маркирует **ответно-военный механизм**, связанный с перераспределением доходов от международной торговли, монополизированных к середине IX в. пришлыми «варягами» (по древнерусской летописной терминологии), или «русами» (по терминологии арабских источников). В ходе восстания против них, зафиксированного также скандинавскими сагами и данными археологии (Джаксон, 1994. С. 73; Кирпичников, 1979. С. 49), к власти приходит племенная аристократия (иерархия).

Далее, после конфликта между иерархией разных племенных объединений (чуди, мери, веси, кривичей, словен), вступает в действие **договорно-компромиссный механизм**. Он заключается в формировании верхнего уровня власти в создавшейся конфедерации методом приглашения из-за рубежа не особенно сильной, но уже обладающей опытом власти (и главное – аурой легитимности) правящей группы (князь Рюрик с братьями, «своим родом» и дружиной). Вопрос о достоверности самой личности Рюрика, тем более его братьев – Трувора и Синеуса, весьма дискуссионный в литературе, но в данном аспекте значения он не имеет. Дей-

ствия правящих родов отдельных частей образовавшегося благодаря ответно-военным механизмам протогосударственного объединения даже по логике должны были быть такими, если сохранение этого объединения равноправных и равных по силе «вожеств» для них было важнее личных или групповых амбиций. Существует обоснованная точка зрения, что этот компромисс был закреплен письменным договором, фиксирующим права и обязанности сторон (Гринев, 1989. С. 38–42). Если это так, то налицо факт перерастания договорно-компромиссного механизма в правовой. В стадийном аспекте он начинал действовать слишком рано, однако надо учитывать региональную специфику Северной Руси, входившей в состав «Балтийского культурно-экономического сообщества» (Кирпичников, 1979. С. 26; Кирпичников, Лебедев, Булкин, Дубов, Назаренко, 1980), в котором правовое регулирование отношений возникает еще в эпоху «варварства», внутри отдельных вожеств.

В результате образовалась сложная система власти, в которой каждый ее элемент не обладал ею полностью.

Г) Этап «сложных вожеств»

При постепенном расширении «территории власти» путем присоединения все новых вожеств (княжеств, племен, протогородов-государств, военно-потестарных союзов) к уже сложившемуся вдоль международных торговых путей – сначала «Восточному», или Волжскому (Балтийско-Каспийскому), позднее «из варяг в греки», или Днепровскому, а также сухопутному Баваро-Хазарскому – «скелету» «варварской» государственности, и пользовался старый торгово-плутократический механизм и новый – военно-завоевательный. Старый действовал двояко. Во-первых, главным источником богатств новой правящей элиты (и отчасти старой иерархии) оставалась международная торговля. И варяго-русская элита, и племенная иерархия Севера стремились поставить под свой контроль всю протяженность торговых путей. Во-вторых, местная знать мирилась с потерей части власти и дани в пользу элиты верхнего уровня, имея свою долю в доходах с международной торговли и добычи (контрибуции) в случае внешних грабительских войн, которые самостоятельно она вести не могла. В группе «военных» появляется новый, интегративно-обогащительный по значению тип механизма – «грабительские войны».

Действие первого (плутократического) механизма породило варяжские экспедиции вниз по Днепру, поддержанные земельно-торговой иерархией «северной конфедерации», стремящейся выйти на рынки Византии. В итоге – захват Киева Аскольдом и Диром, а затем легендарным Вещим Олегом (882 г.) и их военно-торговая активность в византийском направлении.

Для дальнейшего расширения «сферы власти» русы применили военно-завоевательный механизм. Это расширение (объединение южных вожеств и княжеств вокруг «России» с центром в Киеве) было необходимо для увеличения экспортной базы русов при торговле и получения воинских контингентов в случае войны. Местные князья и иерархия «славиний» мирились с верховным владычеством русов до тех пор, пока последним сопутствовала удача. Военным путем можно было покорить разрозненных противников (тем более тех, кто уже привык платить дань хазарам или Великой Моравии), но удержать их только военно-принудительным методом немногочисленные русы не могли. Это показали события 941–944 гг., приведшие к гибели князя Игоря и отчасти – старой, уровня «сложных вожеств», потестарно-политической системы. Эта система распадается в результате внутреннего конфликта между разными уровнями власти – «русским» и «славянским», порожденного внешними военными неудачами.

Само восстание одной из «славиний» (древлян – «вервианов»), возглавленное местными князьями и аристократией (правящей элитой и иерархией), регентша Ольга подавила еще «варварскими» методами, применив военное подавление и военно-устрашающие механизмы, обретшие в летописи легендарную форму «ритуализированного конфликта». Ритуальный антураж этого конфликта некоторые историки считают главным, учитывая особенности

языческого религиозно-мистического мировоззрения (Александров, 1995). Однако для позитивных действий, для реконструкции всей системы власти требовались новые механизмы. При пассивности верховной правительницы могли произойти или возврат государственности на уровень отдельных вожеств, или, что менее вероятно, смена правящего рода и элиты во главе сохранившегося, хотя и несколько трансформированного и урезанного (сократившегося по территории) «варварского» предгосударственного образования. В случае использования правильных механизмов, решительности и осторожности их применения возможно было не только преодоление кризиса, но со временем и переход на новую, более высокую ступень развития государственности.

Д) Этап раннего государства – фаза «перехода» и становления (на примере Руси)

При его создании осознанно (или под давлением событий) были задействованы многие механизмы как нового, так и традиционного типов.

Механизм сознательно проводимых системных реформ впервые в истории русского государствогенеза был применен в конце 40-х гг. X в. княгиней Ольгой. При их проведении учитывались региональные потестарно-политические традиции и их специфика, статус и способ присоединения тех или иных этнопотестарных организмов к Древнерусской державе. Это – «домен» Рюриковичей, Среднее Поднепровье; северные земли, имевшие с правящей династией давние договорные отношения; завоеванные после мятежа (и в силу этого бесправные) земли древлян.

Реформы проводились, судя по летописи, в три этапа. Первый, при Ольге, был концентрированным по времени (в течение нескольких лет) и ограниченным по сферам и территориям применения. Вторым, при Владимире, был более растянут по времени (80–90-е гг. X в.), имел всеобъемлющий характер в территориальном аспекте и касался почти всех сторон жизни общества. Третий, при Ярославе и его сыновьях, был «разрывным» (дискретным) по времени, эпизодическим и касался лишь правовой сферы, системы престолонаследия и статуса князя.

При Ольге наиболее кардинальные изменения были проведены на вновь покоренных после восстания землях древлян. Все старые органы местной власти, от князя до градского самоуправления, ликвидировались. Вместо племенного княжества, то есть этнопотестарного организма, создавалась чисто территориальная единица – «земля» – под управлением князя из рода Рюриковичей, киевского наместника. Упразднялись местные монономы, или обычное право³², заменяясь великокняжескими «уставами» – указами по конкретным случаям, то есть единая, дававшая какие-то правовые гарантии населению, правовая система временно ликвидировалась. Неупорядоченная дань – контрибуция времен Игоря – заменялась постоянными нормированными «уроками», собиравшимися не во время отмененного «полюдья», а свозившимися в княжеские «станы» под охрану русских гарнизонов. В результате появились многие признаки государственности: замена племенного деления территориальным, первые шаги в становлении налоговой системы и аппарата принуждения. Отношения реципрокности, существовавшие в вождестве (княжестве древлян) между правящей элитой, иерархией и остальным обществом, фактически или ритуально-идеологически заменялись отношениями господства-подчинения.

Реформы на Севере носили более ограниченный и не государственный, а скорее частно-правовой характер. Во-первых, Север был полностью лоялен Киеву и лично Ольге во время кризиса, и еще более упрочивать здесь позиции государственной власти не было необходимости. С другой стороны, не было и правовой, мирной возможности как-то изменить здесь положение в пользу княжеской власти, так как отношения между ней и местной иерархией носили традиционно-договорной характер. Как опорные пункты личной власти и богатств Рюрикови-

³² О соотношении традиционной монономии и раннегосударственного предправа см.: Шинаков, Пономарева, 2005.

чей, выделялись земли и населенные пункты с особым статусом – погосты, жители которых платили не дань – государственный налог, а оброк – ренту непосредственно в пользу личности или поста князя. Частные земельные владения и населенные пункты князей – села – создавались и в домене, в непосредственной близости от Киева.

Субъективно реформы Ольги были направлены на создание монополии верховной власти только для рода Рюриковичей, но объективно являлись первым шагом к созданию раннего государства на Руси.

Из многочисленных реформ и преобразований Владимира Святого лишь некоторые были прямо или косвенно затронуты летописцем: военная, политическая, весьма ограниченная правовая и лишь одна – религиозно-идеологическая – представлена в летописи весьма подробно. Это и не удивительно как в связи с агиографическим характером описания деятельности Владимира, так и с авторством русских летописей, создававшихся исключительно в церковной среде.

Военная реформа имела два этапа, что было связано с изменением задач, стоявших перед государством. Вначале это было завоевание (объединение) отпавших или ранее не подчиненных Киеву племен, княжеств и городов, позднее – оборона от массированного натиска кочевников-печенегов.

В первом случае была необходима сравнительно небольшая и сплоченная, корпоративная военная организация, способная справиться с племенными ополчениями и немногочисленными дружинами местных князей порознь, а затем составлять небольшие гарнизоны контрольных пунктов («градов») в племенных межграницях. Грады эти обеспечивались (по более раннему примеру Великой Моравии и Чехии) за счет окружающего населения, что было выгодно с экономической точки зрения. Войско должно было состоять из профессионалов, не связанных корнями (происхождением) с местным населением. Идеально на эту роль подходили наемники-варяги и дружина – «русь», состоявшая из людей, потерявших традиционные (племенные) социальные и этнические связи.

Во втором случае требовалось создать большое, сражавшееся хотя бы отчасти из патристических соображений войско, ибо оборонительные войны добычи не дают. Часть войска могли составлять и не очень хорошо обученные (но с профессионалами во главе) гарнизоны пограничных крепостей, часть – профессиональная, подвижная кавалерия, превосходящая по качеству печенежскую. И та и другая части изначально были гетерогенны в этническом и социальном планах, но в ходе совместной военной деятельности они интегрировались в монолитную, хотя и разделенную на ранги, организацию – так называемую большую государственную дружину, обладавшую корпоративным сознанием и чувством «элитарности», превосходства над остальным населением, а в дальнейшем – осуществлением своего монопольного права советовать князю и участвовать в управлении государством. Военные механизмы создали государственный аппарат разных уровней. В военном отношении «большая дружина» сменила племенные ополчения, небольшие племенные и личные дружины, а также «всех росов» – военновластную элиту страны. Варяги-наемники продолжали использоваться, но только в случае крупных внутренних или внешних конфликтов.

Политическая реформа коснулась системы организации верховной власти и управления. Власть над всеми землями и ключевыми городами передавалась только сыновьям великого князя и всем членам рода Рюриковичей, и лишь при их нехватке – посадникам, то есть наместникам великого князя из состава «старшей дружины», этих «лучших мужей», позднее именовавшихся болгарским термином «боляре». Данная система организации высшей власти получила в литературе название «родовой суверенитет Рюриковичей над Русью». Ближайшие аналогии такой системы – Хазарский каганат, Польша, Скандинавия.

Всеобъемлющих правовых реформ Владимир не проводил, ограничившись сферой церковного права. Однако одна реформа – временное введение смертной казни – имела место.

Интересна религиозно-идеологическая мотивация этого шага, как бы вручающая от имени Бога в руки правителя меч правосудия, дающая ему право над жизнями «злых» подданных в интересах «добрых». С точки зрения содействия процессу государствогенеза указанная реформа методом устрашения помогла быстро ликвидировать неизбежные побочные последствия, издержки ускоренно проведенной ломки «племенных» социальных и этнопотестарных отношений, породившей «много разбойников». При проведении данной реформы использовались результаты (в виде опоры на мнение православного клира) ранее проведенной религиозной. Поскольку именно о ней исписаны горы литературы, мы остановимся только на ее значении в контексте государствогенеза.

Во-первых, интегративное значение. Во-вторых, укрепление положения династии внутри страны. В-третьих, укрепление внешнеполитических позиций и престижа как новой державы в целом, так и правящего в ней рода в частности. Наиболее явно интегративная цель религиозной реформы просматривается при описании языческой ее части; так, языческие идолы разных племен были просто свезены в Киев, как бы взяты в заложники, и насильственно подчинены богу русов – Перуну. Христианизация решала вопрос еще кардинальнее – племенные боги просто уничтожались. С другой стороны, принятие равно чуждой всем племенам религии помогало избежать психологических трудностей – естественного нежелания подчиняться богу соседей, по рангу точно не выше «своего», да еще и традиционно враждебного. С точки зрения повышения престижа власти и страны была важна не религиозная идеология или даже обрядность, а сам процесс принятия христианства практически из рук главы мира – василевса ромеев, сопровождаемый установлением с его династией родственных связей (что для Владимира, возможно, было важнее самого акта крещения). Существенное значение имел и прагматизм Владимира – он знал, что для христианских держав никакие договоры с язычниками не считаются обязательными. Церковная организация могла использоваться как один из элементов государственного аппарата, а религия, религиозная литература и искусство становились частью идеологического механизма легитимизации власти.

Имплицитно, из контекста летописей, диахронного компаративного анализа ситуации до и после правления Владимира, по данным археологии, нумизматики, эмблематики, эпиграфики, с большой долей очевидности вытекает проведение при нем также территориально-административной, брачно-семейной и денежно-финансовой реформ.

Территориально-административная реформа. Если до Владимира сохранялись независимые и полузависимые этнопотестарные организмы разных типов и размеров, то в XI в. существует уже унифицированное деление Руси на земли, волости, погосты, миры. Во главе их стояли князья из дома Рюриковичей, их наместники – посадники, выборные «старцы градские» и старосты.

О брачно-семейной реформе свидетельствует то, что если в первой половине правления Владимира существовало еще многоженство (полигамия), то в конце – моногамия, по крайней мере, где это могли контролировать Церковь и княжеская администрация.

Денежно-финансовая реформа заключалась в окончательной отмене «полюдья», замене его поэтапным (погост – волость – земля – Киев) сбором дани специальными отрядами типа «налоговой полиции». Менялась и ориентация русской денежно-весовой системы с мусульманского Востока, где иссякли серебряные рудники, на Византию. По образцу и весу византийских милиарисиев чеканятся первые русские монеты с княжескими и христианскими символами, что также поднимало внешний престиж государства.

При Ярославе Мудром устанавливается наконец четкая система престолонаследия – «лестничная»: стол передается от брата к брату, затем очередь переходит к следующему поколению братьев и т. д.

Правовые реформы начались еще в ходе гражданских войн 1016–1019 гг. и продолжались с перерывами вплоть до распада Древнерусского государства в 30-х гг. XII в. В каче-

стве механизма государствогенеза они служили средством консолидации раннего государства и поднятия авторитета власти, да и прямо охране экономических интересов как правящей элиты, так (хотя чуть позднее) и земельной иерархии.

Военные механизмы фазы становления ранней государственности делятся на военно-объединительные, военно-оборонительные, военно-завоевательные, а также конфликты демографической направленности, внутренние конфликты, военное вмешательство в дела соседних стран и конфликты иного типа.

Военно-объединительные охватывают короткий период (975–985 и 993 гг.) при Ярополке и начале правления Владимира Святого, имели целью расширение территориальной, демографической и финансово-экономической базы центральной власти и объективно носили интегративный характер.

Военно-оборонительные охватывают 90-е гг. X в. – середину правления Владимира Святого, а также 1018, 1036, 1060–1061, 1068 гг. Последние (кроме 1068 г.) мало повлияли на процесс государствогенеза, а вот оборона от печенегов стала в 90-х гг. X в. первым общегосударственным мероприятием, сыгравшим решающую роль в консолидации только что территориально объединенного раннего государства. Она послужила идеологическим оправданием многих «непопулярных» действий правящей элиты, помогла ее примирению с лишившейся власти местной военной иерархией посредством включения последней в состав «большой государственной дружины». Подробнее состав такой дружины, в которую был включен полк из «князей» (вероятно, бывших племенных), описан для соседней Польши (Галл Аноним, 1996. С. 335).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.